

Елена Минькина

Закон жертвы:
ловушки прошлого

Хозяин шара

Елена Минькина

Закон жертвы: ловушки прошлого

«ИМ Медиа»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)644

Минькина Е. В.

Закон жертвы: ловушки прошлого / Е. В. Минькина — «ИМ Медиа», 2019 — (Хозяин шара)

ISBN 978-5-6042887-4-0

В жизни Маринки все благополучно. У нее есть любящий муж и дети, семья живет в достатке, а вскоре у Маринки должен родиться еще один ребенок. Но внешняя картинка обманчива. Маринка живет в постоянном страхе. Ведь она – не простая женщина, а очень сильный маг. Ее будущий ребенок представляет собой серьезную угрозу для сил зла, поэтому враг решает уничтожить малыша еще в утробе. Для того чтобы защитить себя и еще не родившегося сына, Маринке необходимо переписать свой генетический код, унаследованный от родителей. От того, сможет ли Маринка справиться с этой задачей, зависит не только ее судьба, но и будущее всего человечества.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)644

ISBN 978-5-6042887-4-0

© Минькина Е. В., 2019
© ИМ Медиа, 2019

Елена Минькина

Закон жертвы: ловушки прошлого

1

Маринку мучили кошмары. Последнее время сон был беспокойным, и она просыпалась разбитой. Никак не могла понять причину своего беспокойства. Сейчас ее жизнь прекрасна – Сережа не гуляет, много времени проводит с детьми, хорошо зарабатывает, а месяца через три у нее родится сын. Что еще нужно для счастья?

Это утро началось как всегда: оно походило как две капли воды на прошедшие.

Вставать Маринке решительно не хотелось, потому что делать все равно было нечего. Она нежилась в постели и совсем не чувствовала, что пройдет немного времени и жизнь превратится в ад.

Тишину утра пререзал телефонный звонок. Сбросив остатки дремы, Маринка, пытаясь привести в порядок разбегающиеся мысли, спустила ноги с кровати и подняла трубку.

– Алло!

– Это ты, Маринка?

– Настя? Что ты так рано звонишь?

– Как это рано? Десять часов уже. В отличие от тебя, барыня, я вкалываю два часа, а ты говоришь рано. Конечно, хорошо тебе, дома сидишь, а я вынуждена за три копейки работать.

Маринка поморщилась. Никакие это были и не копейки, а приличные две тысячи долларов, столько же получает и папа. На эти деньги даже в дорогой Москве можно жить припеваючи. Маринка это хорошо знала, так как сама все покупала для своей семьи.

Последнее время ее отношения с Настей и отцом испортились. Как только отец женился на Насте, он вообще перестал замечать Маринку, нет, она не обижалась. Может быть, это к лучшему. У нее своя жизнь, у него своя. Кроме Маринки и Алисы, у отца с Настей было еще двое детей.

Настя прервала ее размышления вопросом:

– Чего молчишь?

– Настя, я жду, что ты хочешь мне сообщить?

– Твой отец болен.

Маринка вздохнула.

– Я знаю, Настя. Дед лечит его шалетом, это самое лучшее лекарство, оно всем помогает.

– Да туфта это все, не помогает оно, сегодня у него опять был сердечный приступ.

– Понимаешь, если папа не захочет меняться, то ему никакой шалет не поможет. Все болезни ментальные, по-другому не бывает. Настя, послушай, может быть ему обратиться к бабе Алле, если он сам не может справиться со своей болезнью?

– Не хочет, боится он ее, ведьму проклятую!

Маринка знала, что Настя ненавидела бабу Аллу из-за своей дочки Алисы, которая любила бабу как свою родную маму. Но все равно, обижать так бабу Аллу несправедливо, Маринка возмущенно заметила:

– Настя, я сколько раз просила не оскорблять при мне бабу Аллу. К тому же, если ты помнишь, она моему папе спасла жизнь.

– Ладно, не будем о бабке говорить. Я хочу напомнить, что ты дочь и должна заботиться об отце. Нам нужны деньги на лечение.

– Хорошо, Настя, я сегодня буду в городе и завезу тебе деньги. Пока.

Маринка быстро положила трубку. Тяжело вздохнув, прошептала:

– Господи, как же она достала меня! Вот уж «повезло» моему папочке!

Настроение было испорчено. Маринка взглянула в окно и вздохнула.

– Когда же появится солнце? Декабрь в Москве был отвратителен. Не было ни снега, ни дождя, ни солнца. Над городом висела темно-серая дымка тоскливой безысходности. Скорей бы уже наступала весна.

Она погладила себя по животу, и ребенок тут же откликнулся слабым движением внутри нее. Маринка улыбнулась и с нежностью в голосе проговорила:

– Ну, что ты, маленький? Не волнуйся, все будет хорошо. До нашей встречи осталось всего три месяца! Никто нам не сможет испортить настроение! Правда?

Встала с кровати, накинула халатик и босыми ногами прошлепала на кухню, где заварила себе зеленый чай.

Ее домработница Ирочка уже трудилась. В прихожей гудел пылесос. Опять зазвенел телефон. На этот раз она знала, кто это звонит. В данное время в их центре начался прием пациентов, и Матрена каждый раз начинала его со звонка Маринке. Скорей всего, случай тяжелый и требует особого внимания. Матрена специально записывала все такие случаи на утро, чтобы в течение дня больше не тревожить Маринку. Взяв трубку, она услышала:

– Маринка, привет, узнала?

– Здравствуй, Матрена. Ну, что случилось?

– У меня тут девушка на приеме, поговори с ней.

– Послушай, Матрена, ну нельзя же по телефону! А если я ошибусь? Может, мне все-таки лучше приехать?

Матрена испугано проговорила:

– Маринка, ты же знаешь, что тебе нельзя приезжать. Ты что, забыла?

Так обычно начинались все разговоры с Матреной, и Маринка уже знала, что уступит. А Матрена продолжала ее уговаривать:

– Маринка, ты еще ни разу не ошиблась. А случай действительно тяжелый, посмотри, нет ли здесь порчи на смерть?

Маринка поняла, что не сможет уговорить Матрену, и, тяжело вздохнув, произнесла:

– Дай девушке трубку.

На том конце провода она услышала тяжелое дыхание. И в ту же секунду ее сила дала точную оценку происходящего. Девушка больна, и очень тяжело. У Маринки засосало под ложечкой. Волна жалости накрыла ее. Так было каждый раз, когда она обнаруживала у человека тяжелую болезнь, особенно, если дело касалось молодых людей. В висках застучало:

– Нельзя жалеть. Жалость сродни пожеланию смерти. Ведь она это знает, баба Алла часто объясняла ей это. Маринка быстро взяла себя в руки и произнесла:

– Послушайте, передайте, пожалуйста, трубочку Маргарите.

Матрена схватила трубку.

– Марин, ну ты что?!

Твердым голосом Маринка произнесла:

– Я прошу тебя, выйди в соседнюю комнату.

Матрена поняла, что сейчас спорить с Маринкой бесполезно, извинившись перед девушкой, вышла из кабинета, захватив с собой радиотелефон.

Маринка кричала в трубку:

– Матрен, как тебе не стыдно! Девушка умирает, она уже так близко подошла к смерти, я не в силах ей помочь!

Упавшим голосом Матрена произнесла:

– Я знаю, Марин, но может попробуешь? Мы с нее денег не возьмем. А вдруг получится? Так жалко ее, а тут еще ее отец в коридоре плачет. Что же делать?

Терпя терпение, Маринка спросила:

– Матрена, как я ей помогу!?

– А шалет? – напомнила в надежде Матрена.

– Матрена, ты знаешь, что его почти не осталось, – горячая краска стыда тут же залила ее лицо. – Это неправда, шалет еще есть, но он весь уходит на ее отца.

– Значит, отказать? – упавшим голосом спросила Матрена.

– Нет, постой, дай трубку деду.

Маринка слышала, как Матрена прошла по коридору к Матвейчу. Он занимал небольшую комнатку в самом дальнем конце коридора, где колдовал над своими травами. Эта комната называлась у них аптекой.

Взяв трубку, дед проговорил:

– Привет, доченька, я тебя слушаю. Ну, чаго ты хочешь?

– Дедуля, нам нужен шалет, – помолчав немного, добавила, – вопрос жизни и смерти.

– Маринка, так нету яго, вярнее, нямного есть, батьке твому осталось, да и усе.

– Дедуля, подумай, папке он помогает ровно на месяц. Все равно скоро лекарство кончится, папку просто надо уговорить к бабе Алле поехать. Другого выхода нет, хоть бы ты поговорил с ним.

Дед тяжело вздохнул.

– Марин, так яж с им каждый день беседу имею, все бестолку, не слушает он. Никогда маня не слухал.

Жалобным голосом Маринка заканючила:

– Ладно, дедулечка, дай немножко шалету Маргарите, прошу тебя.

– Ладно, – наконец сдался Матвейч, сделаю для тебя, но учти, девка, в последний раз, больша у маня не проси.

– Ну, вот и хорошо, а теперь передай трубку Марго.

– Матрен, ты все слышала, больше шалета нет. И уповать на него нельзя, баба Алла без него всех лечит.

Матрена тяжело вздохнула, упавшим голосом произнесла:

– А может, правда бесполезно, Марин? Твоя сила что говорит? Девушка умрет?

– Пойми, Матрена, шанс всегда есть, даже у самого неизлечимого больного. Попробуем помочь ей, давай мне девушку.

Услышав в трубке ее дыхание, Маринка спросила:

– Как тебя зовут?

– Нигора, – голос девушки дрожал от волнения.

Маринка задумалась:

Сейчас от этого разговора зависит решение девушки жить дальше или уйти из тела. Как объяснить ей, что наше общество много лет жило другими ценностями, и это очень сильно повлияло на сознание людей? Они верили только врачам и таблеткам. Но Маринка знала другой путь избавления от тяжелых болезней, к таким болезням она относилась рак. Рак – это невыраженные обиды и гнев. И сейчас ее задача объяснить все этой больной девочке, хотя называть ее больной она не будет.

Баба Алла ей объясняла: нет больных людей, есть состояние, к которому человек приводит себя сам. Начни обижаться – получишь в теле кучу болячек, злобиться – результат тот же, не бывает по-другому. Только «хорошие» люди умирают рано. «Хорошие» люди кипят внутри себя, не доставляя никому хлопот, на вид они очень добрые, милые, но внутри... Маринка проверила эти слова на практике. Как только человек начинал выражать то, что у него внутри накопилось, так ему сразу становилось легче. Общаясь с бабой Аллой, Маринка видела, как та спокойно решала такие проблемы, рак уходил бесследно растворяясь, как только человек осознавал, от чего он заболел.

Девушка Нигора переполнена гневом и обидами, причем не только своими, но и мамиными. Поймет ли все это она? Ведь существует тот порог, заходить за который нельзя. Эта девушка так страдала, что подошла к этому порогу вплотную. Шалет лишь немного поможет ей, но все-таки все будет зависеть от нее самой.

Тяжело вздохнув, Маринка спросила ее:

– Сколько тебе лет?

– Двадцать один год.

Машинально она отметила: – Как моей Бенну.

– Нигора, скажи, ты знаешь, чем ты больна?

– Да, знаю, у меня рак матки четвертой степени с метастазами в печень и почки. У меня сильные кровотечения, надежды нет никакой. Врачи говорят, что скоро наступят невыносимые боли, мне начнут колоть обезболивающие, – девушка заплакала, – я очень боюсь, и я не хочу умирать.

Маринка знала, что просто так человек не уходит из жизни. Это случается, когда он сам дает на это согласие, так как живет в ситуации, которую он никак не может пережить. Если сейчас она будет жалеть девушку, то это только ускорит ее уход из тела. Поэтому она прямо спросила ее:

– Нигора, почему ты не хочешь жить?

– Я? Ну, я же хочу! – девушка зарыдала в голос.

– Нигора, послушайте, сейчас не время плакать. Я хочу тебе помочь, но я требую от тебя откровенности, сейчас это важно. Что происходит в твоей жизни, с чем ты никак не можешь справиться? Ведь я знаю точно, что кровотечение – это утрата радости в жизни.

Девушка спросила удивленно:

– Разве то, что со мной происходит, имеет отношение к моей болезни?

– Понимаешь, сначала ты страдаешь в разуме, а уж потом начинает страдать твое тело. Если ты будешь молчать, то заговорит твое тело, так сейчас и происходит. Когда ты молча страдаешь о чем-то, или злишься на кого-то, твое тело скажет тебе об этом. Ты попала в ситуацию, которую никак не можешь разрешить, тебе лучше покинуть тело, чем перенести ту ситуацию, в которой ты сейчас находишься. Но я уверяю, тебе ее не избежать, ты вернешься, пусть не в это тело, и опять будешь переживать тот же эпизод в жизни. И, как правило, он будет еще более тяжелым. Ты этого хочешь?

Девушка молчала. Только слышно было ее тяжелое дыхание. Маринка продолжала:

– Расскажи мне, почему ты страдала в детстве и что не можешь пережить сейчас? И я попробую помочь тебе, рак – это еще не окончательный приговор, он может исчезнуть бесследно.

Нигора никак не ожидала такого разговора. Она пришла в этот центр, совсем не веря в то, что ей кто-нибудь поможет. Ее папа ходит с ней по медицинским центрам и надеется на чудо. Сейчас он ждет ее в коридоре. В ее сердце нет к нему никаких чувств, раньше она его хоть ненавидела, а сейчас и это чувство исчезло. Неужели она могла заболеть из-за этого? Тщательно подбирая слова, девушка начала свой рассказ:

– Мы узбеки, и у нас в семье женщина должна во всем слушаться мужчину. Сначала эту роль играет отец, потом брат, если он есть в семье. Я полюбила русского мальчика еще в пятнадцать лет, но мой папа нашел мне богатого жениха. Он старый и гадкий, но я не могла ничего поделать...

– Поэтому для тебя лучше умереть, чем выйти за него замуж?

– Да, я должна была послушаться папу, но то, что он хотел, это было ужасно. А сейчас меня никто и не хочет брать в жены, этот жених испарился, как только узнал правду о моей болезни, ведь он брал меня в жены для того, чтобы я рожала ему детей. С моим парнем мне не

дают видеться. А сейчас мой папа привез меня в онкологический центр, но там сказали, что уже поздно, мне нельзя делать операцию!

– Ты в полном отчаянии и не хочешь жить?

– Мне кажется, что я хочу жить, ведь я так боюсь умирать, но я не хочу жить так, как жила моя мама. Она не любила папу никогда, прожила свою жизнь как в аду. Я все видела. Как она страдала, бедняжка! Это ужасно!

– А что с мамой?

– Она умерла год назад тоже от рака матки. Она сильно страдала! Были дикие боли, я этого очень боюсь.

– Нигора, ты все свое детство осуждала папу?

– Осуждала? Нет, скорее ненавидела. Он – настоящее животное. Если бы вы только знали, как он мучил ее! Я ненавидела его всю свою жизнь, но сейчас в моей ненависти уже нет смысла.

– Это была не только твоя ненависть, она еще и мамина. Эта ненависть и произвела изменения в твоём теле. Чтобы вылечиться, надо избавиться от ненависти к папе. И простить его, он сам не ведал, что творил. Понимаешь, он просто не мог жить по-другому. Знаешь, мы все живем по программам, которые заложили в нас наши предки. Нам никто никогда не объяснял этого, и мы не знали, что нам не обязательно повторять ошибки своих родителей и их несчастную судьбу. Ты можешь жить по-другому, и это будет зависеть только от тебя.

Девушка горько рассмеялась:

– Вы не понимаете, от меня не зависит ничего. У нас правят мужчины, у женщин нет прав.

– Нигора, поверь, это не так. Самую тяжелую ситуацию можно разрешить. Ты не обязана быть бесправной как мама. Но для начала тебе надо простить папу. Ты должна остаться наедине с собой и высказать все обиды папе. Но не в глаза, а так, в пространство, представив его перед собой. Сделай это очень эмоционально, как только сможешь. Тебе необходимо удалить из себя гнев. На это уйдет не один день. Хотя мы разной с тобой веры, но Бог – он один для всех. В Библии написано, что в старые меха не наливают молодое вино. Поэтому тебе необходимо очистить свой мозг от старого понимания, от гнева, вино – это понимание. Я тебя уверяю, болезнь пройдет вместе с этим выраженным гневом. Возможно, на это уйдет меньше месяца. Поскольку твоя болезнь зашла очень далеко, мы дадим тебе лекарство. Принимай его и высказывайся так, как я объясняла тебе. Скоро от твоей болезни и следа не останется. Врачи будут говорить тебе, что диагноз был поставлен ошибочно.

– Если я сейчас расскажу об этом папе, он сочтет, что я сошла с ума.

– Нигора, не важно, что подумает твой папа. У нас в центре оборудована комната для таких пациентов, как ты. Там никто не услышит тебя. Все, что ты не можешь сказать папе в глаза, ты там скажешь, просто представив себе, что он стоит перед тобой. А папе пока не говори об этом. Просто скажи, что тебе назначили процедуры, и каждый день приходи к нам. Это можно сделать и дома, но когда будешь одна. Поверь, кто проделывал это, все получили положительный результат. А когда ты избавишься от рака, мы поможем тебе уйти из семьи и соединиться с любимым. Больше не считай себя больной, не позволяй никому жалеть себя, и сама никого не жалеет. Жалеть другого – это все равно, что сказать: «Бог, ты несправедливо поступаешь с этим человеком». А все неприятности, болезни и нищету Бог не создает. Это люди творят в своей жизни сами.

– Но ведь это глупо – орать в пространство!

– Понимаешь, наш мозг – это компьютер. Подсознание – файлы, на которые мы всю свою жизнь записываем информацию, особенно в детстве. Наши файлы переполнены отрицательными эмоциями, именно они самые сильные. Одна женщина объяснила мне, что, только высказав вслух все свои обиды, мы можем удалить эти файлы и на их место записать новые. У тебя подсознание переполнено, не только твоими эмоциями, но еще и мамиными. Когда наши

родители покидают тело, их переживания никуда не исчезают, они продолжают жить вместе с нами.

Маринка, даже не видя девушку, чувствовала сердцем, как та изменилась. У нее появилась надежда. Дальше все будет зависеть только от самой Нигоры.

Маринка попрощалась с девушкой, положила трубку и задумалась. Ее мысли улетели далеко. Она представила себе счастливую и здоровую Нигору, а рядом с ней ее любимого. Только бы девушка все сделала так, как сказала ей Маринка. Сколько болезней на свете от невыраженного гнева! Вот и ее папа болеет. Что-то сильно мучает его. Но что?

Как ни пыталась Маринка добиться от него ответа, все бесполезно. На ее вопросы он отвечал молчанием. Права была баба Алла насчет шалета. У папы уже второй инфаркт, язва желудка и куча всяких болезней. В свои пятьдесят два года он выглядит как старик. Дед лечил его шалетом, болезни бесследно уходили, но через некоторое время возвращались вновь, еще более тяжелые. Полгода идет борьба за его здоровье. Но, похоже, борются все вокруг, кроме него самого. Баба Алла говорила, что шалет помогает, но если человек не изменится, то болезнь возвращается. Папа никого не хочет слушать, и с Настей он плохо живет. А начиналась совместная жизнь замечательно.

Ребенок внутри нее сильным толчком напомнил о себе. Маринка с тоской посмотрела на свой огромный живот. Как медленно ползет время! Ожидание родов было очень тяжелым. Физически чувствовала она себя прекрасно, но за ней охотились, видимо, в этом и заключается причина ее тревоги. Во что бы то ни стало этот ребенок должен быть уничтожен, а она во что бы то ни стало должна была его сохранить. Но что с ее силой тревожиться? Она может все. Такие рассуждения мало помогали.

Избыток страха вызывал в ней бурные чувства, которые обычно не бывают длительны. Человеческое сердце не в силах долго выдержать их остроту. Маринка последнее время так много боялась, что сейчас от всего пережитого в ней осталось только чувство щемящей боли.

Нет, она не перестала бояться за ребенка, но смертельно устала от этого страха. Твердит себе: «Все хорошо», – но разве можно себя обмануть?

Мечта о счастливой обыкновенной жизни рассыпалась в прах. Нет, причина не в муже, с Сережей все в порядке. Таких счастливых отношений, как сейчас, у них никогда не было. Причина в ее необъяснимом страхе. Маринке так хотелось забыть о своей магической силе, о своем прошлом, о колдовстве. Она чувствовала, как постепенно отходили вдаль странные образы, так долго преследовавшие ее. Все эти мерзкие призраки, ведьмы, шабаш, полеты, все постепенно стиралось в ее памяти.

Ей хотелось стать обыкновенной женщиной, родить здорового ребенка, вкусить все радости женского счастья. Сейчас у нее прекрасная семья: муж, который души в ней не чаает, счастливые дети, которые больше не убегают из дома, и, наконец, сам дом. Ведь это просто чудо.

Полгода она обустроивала его. Все сделано так, чтобы ее семья жила с большими удобствами. Теперь у каждого своя отдельная комната, в доме бассейн, тренажерный зал, зимний сад, комната для гостей. Она сама придумала здесь все: посадила цветы в зимнем саду, ухаживала за ними, отдавая им свою заботу. Сейчас это стало любимым местом для всей семьи.

Маринке вспомнился первый день жизни в доме, когда они переехали сюда. Она встала рано утром, было очень тихо. В одиночестве прошлась по дому. Ей не забыть те ощущения, которые она испытала.

Сердце билось часто-часто – она проходила из комнаты в комнату, и ей казалось, что все это просто сон, прекрасный сон.

Как она любила этот дом! Он стал частью ее. Конечно, он не был похож на дворец ее дочери Бенну. Но в этом доме было нечто другое. Сейчас она понимала что – это ее дети. Ведь дом был сделан именно для них, в каждой комнате ощущалось детское присутствие. Вон на диване валяется кукла, это Машка вчера игралась, вот ноты Настеньки, а это – Дашина

машинка. Теперь она понимала слова Бенну, когда та говорила ей о пустоте своего прекрасного дворца. Дети еще спят, а дом уже ждет их пробуждения, без них здесь все теряет смысл.

Большую часть своей жизни Маринка жила в нищете. Первые большие деньги увели ее мужа в другую жизнь, но, слава Богу, Сережа не остался на этой дороге.

Многое им пришлось пережить! Сейчас у Маринки была только одна мечта: чтобы прошлое оставило ее в покое, причем навсегда. Она не будет больше никого трогать. Зачем ей дали эту дурацкую силу? Что в ней проку? Ну, да, она испытала полеты, она увидела много необычного. Но с нее хватит.

Все, что она имеет сейчас, нельзя сравнить ни с какими полетами. Вот оно счастье, оно проникает в каждую клеточку ее тела, заставляя замирать от восторга. Это ли не жизнь!? Она хочет думать только о себе, о муже, о своих детях.

Каждый человек должен отвечать за себя. Баба Алла говорила, что человек сам строит свое счастье. Надо продержаться еще три долгих месяца, для нее долгих.

Пусть родится ее мальчик, тогда они не посмеют его убить, ведь он уже будет человеком. Или посмеют? Она задавала себе этот вопрос, и сила, которая в ней заключалась, послушно давала ей ответ: убить трудно, но возможно. Вот так, значит, все дело в сыне. Да, этот необъяснимый страх связан с ребенком. Попробуй побыть счастливой в такой ситуации. Теперь, когда она торопит время, оно словно остановилось.

Маринка чувствовала за собой постоянную слезку. Условия были жесткие: хотели убить ее ребенка – Виктора, пока он еще не родился и не обрел силу. Полгода назад, когда баба Алла предупреждала Маринку об этом, она просто не придавала этому значения. Разве можно с ней что-то сделать? В ней живет такая невероятная волшебная сила? Маринка знала, что всегда сможет постоять за себя. Но оказалось, что бороться очень трудно, когда твой страх связан с ребенком. Последнее время Виктор вел себя беспокойно, не давая ей расслабиться. Что тревожило малыша? Он почти не спал, все время двигался, так активно, что даже болел живот.

Когда она возвратилась из деревни, сразу решила выйти на работу. Но баба Алла связалась с Матреной по телефону и предупредила ее об опасности, которая грозит Маринке. Матрена отказалась от помощи Маринки по организации их нового центра. В первый же день приезда Маринка попала в тяжелейшую автокатастрофу. Она чудом осталась жива, более того – на ней не было ни царапины.

До сих пор у нее перед глазами тот огромный грузовик, который неотвратимо двигался на нее. Удар был очень сильный, открылась подушка безопасности, и Маринку буквально вдавило в сиденье. Ее новая Ниссан Альмера была разбита вдребезги.

С того дня и Сергей, и Матрена стали категорически возражать против ее работы. Маринка практически села под домашний арест. На улицу выходила редко, продукты они закупали по выходным вместе с Сережей. Муж так сильно беспокоился о ней и ребенке, что умолял Маринку не покидать дома одной, так ему было спокойней. И она невольно оказалась вне общества, вне жизни, но что-то подсказывало ей, что домашний арест – это не выход и сюда в дом могут легко пробраться.

Бенну прислала ей калитку, и уже два раза навещала ее. Маринка часто думала о Бенну. Понимает ли дочка, с кем она живет? Или любовь к мужу закрывает глаза, и дочь не видит того, что происходит вокруг?

Бенну жаловалась, что Минос охладил к ней в последнее время. Особенно он начал злиться после того как Маринка вписала Бенну в контракт. Минос даже представить себе не мог такого поворота событий.

Маринке было очень жалко дочку: ведь за счет Бенну она стала счастливой.

Ее девочка, которую она проклинала за то, что та вообще появилась на свет, спасла ей жизнь. Бенну разрывалась между матерью и своим мужем – она любила обоих. Маринку это

всегда удивляло: как она могла вообще любить ее? У дочери не было ни капли обиды, она боготворила Маринку только за то, что она родила ее.

Сама Маринка возвращалась мыслями к своей матери – сейчас, как никогда, мама нужна ей. Вся жизнь она не могла простить ей свое угробленное детство. Кто знает, как сложилась бы ее судьба, если бы ....

– Вот черт, – прервала свои мысли Маринка, – я опять сожалею. А, как говорит баба Алла, сожаление превращает жизнь в соль. Да, и мысли о маме болью отзывались в ее сердце.

Бенну в свое последнее посещение все время твердила об опасности. Может быть, она что-то не договаривает ей? Маринка старалась об этом не думать.

Баба Алла предупреждала ее, что Бенну может быть опасна. Но разве это правда? Маринка получала столько любви и заботы от дочери. И сама она очень привязалась к ней. Теперь Маринка очень жалела, что не подарила своей дочери ни одного поцелуя, когда она жила с ней до трех лет. В чем был виноват этот ребенок? Маринке было очень стыдно за свое поведение. Бенну, как всегда, находила для нее утешение. Обняв ее, она шептала:

– Мамочка, вспомни, сколько тебе было лет? Ведь ты сама была ребенком!

Сейчас любовь к дочери вдруг проснулась в ней с огромным чувством вины. Маринка с нетерпением ждала, когда же Бенну снова навестит ее. Ей хотелось одарить дочку своей любовью, которую она ей не дала в детстве, которую и сама не получила от матери, и именно в этом чувстве она нуждалась всю жизнь. Вот бы сейчас появилась Бенну, они бы поболтали. Маринка скучала по ней.

Бенну была очень осторожна. Если муж узнает об их дружбе, это может закончиться очень плохо, поэтому она редко навещала мать. А о посещении Маринкой Бенну вообще не могло быть и речи. У обеих женщин волосы на голове вставали дыбом от мысли о том, что Минос догадается об их дружбе и сговоре.

В свое первое посещение дочка настояла на том, чтобы Маринка стала осваивать калитки. Это оказалось очень сложным делом. Перейти в другое место не составляло труда, но вот вернуться назад порой было очень сложно. Маринке понадобился помощник. Сенах, слуга Бенну, стал учить ее этой премудрости.

Теперь она стала узнавать калитки, освоила до шестидесяти переходов. Ей нравилось, когда калитка выглядела как зеркало. Но большинство калиток были где угодно: в стене, в дереве, даже на открытом пространстве. Она научилась определять их по легким вибрациям. Она узнала, что калитки бывают переносные и стационарные. С переносными калитками сложнее: что взбрдет в голову человеку, который и понятия не имеет о калитках, он может думать, что в его доме стоит просто зеркало. Так вот, ты делаешь переход в одно место, а можешь очутиться где угодно. Так как любой человек может перетащить зеркало-калитку в другое место.

Через месяц Маринка самостоятельно могла совершать переходы. Как-то раз с ней произошел один случай. Она решила перейти в Англию.

Если разобраться, таким способом можно было никуда и не переходить, но любопытство было сильнее. По карте размещения калиток она узнала, что там, в подвале одного из домов, лежала калитка в форме старинного зеркала.

Маринка и думать не могла, что хозяева дома нашли его в подвале и принесли к себе в спальню. Маринка ожидала увидеть подвал, а вместо него оказалась в спальне.

Перед ней была широкая кровать, и на ней спали мужчина и женщина. И надо же такому случится – женщина открыла глаза и уставилась с изумлением на Маринку, та же быстро вернулась назад. Теперь эта женщина будет думать, что у нее в доме завелось привидение.

Даже представить страшно, что бы могло случиться, если бы ее схватили. Поэтому переход всегда связан с риском для жизни.

Маринка узнала от Селены, что темные силы сами не смогут убить ее, они будут действовать только при помощи людей. А простой человек не пройдет через калитку, или все-таки сможет перейти? На этот вопрос никто ей ответить не мог.

Вот Сенах, он же не ведьмак, а ходит через калитки спокойно. Значит, любой человек может развить в себе эту способность. А может быть, в жилах Сенаха тоже течет «ведьмина» кровь? Никто не знает, откуда он появился.

Однажды калитка спасла ей жизнь. А было это так. Рано утром водитель, как обычно, забрал Настю в школу, а Машу и Дашу в детский сад. Маринка осталась одна. Уборщица приходила к десяти. Маринка решила еще немного поспать. Но Рекс, ее старый кот, стал вести себя как-то странно. Он заметался по комнате, тревожно замыкал.

Маринка и сама почувствовала опасность. Она быстро оделась и едва успела добежать до комнаты, где стояла ее калитка. Она слышала шум в своем доме, топот ног. Не искушая судьбу, быстро переместилась в свою деревню, успев прихватить сотовый телефон.

Оттуда она позвонила Сереже. Меньше чем через час дом окружила милиция, но бандиты уже скрылись. Они не взяли ничего, несмотря на то что в доме было много ценных вещей и денег. Все было на месте. Поэтому теперь Маринка не чувствовала себя в безопасности даже в своем доме.

Маринка вдруг вспомнила, что сегодня встречается со свекровью. От этой мысли настроение окончательно испортилось. Когда ее свекровь узнала, что Маринка снова беременна, то стала настаивать сделать УЗИ. Маринка и так знала, что у нее мальчик, но Лариса Федоровна была непреклонна. Сережа, чтобы успокоить мать, тоже стал просить Маринку об этом обследовании. Наконец она поддалась их уговорам. Свекровь нашла хороший медицинский центр, договорилась с профессором, чтобы тот посмотрел Маринку.

С тех пор как свекровь узнала о будущем наследнике, ее отношение к невестке резко изменилось к лучшему. Однако Маринка все равно чувствовала неприязнь к себе.

Эта женщина была просто маниакальна в своем желании увековечить фамилию мужа. Она перестала оскорблять невестку, терпела ее, как могла. Она ждала от Маринки внука, продолжателя их рода. Поэтому для нее это УЗИ было так важно. Сережа уверял ее, что будет мальчик, но ей надо было убедиться самой. Вот сегодня состоится УЗИ.

2

Через час Маринка вошла в медицинский центр. Там ее уже поджидала Лариса Федоровна. Она сразу же накинулась на нее:

– Ты чего опаздываешь, доктор заждался!

Взглянув на часы, Маринка поморщилась: – Да, действительно, она опоздала на целый час. Если честно, она вообще забыла про УЗИ.

И чтобы остановить поток неприятных слов, Маринка бросила:

– Пробки, еле доехала.

– Ладно, профессор обещал подождать, – промолвила свекровь более примирительным тоном.

Ничто не предвещало неприятностей. В воздухе, пропитанном запахом лекарств, ощущалось спокойствие. Странное дело, здесь Маринка вообще забыла про свой страх. На людях она чувствовала себя лучше. Надо что-то менять в жизни, если ей придется и дальше сидеть дома, то к концу беременности надо будет лечиться у психиатра.

Маринку уложили на жесткую кушетку, помазали живот чем-то липким, и старенький профессор вместе со свекровью стали внимательно всматриваться в экран аппарата.

Профессор был знаток своего дела. Он молча водил какой-то штукой по животу, морщил лоб, поправляя очки и одновременно делая какие-то пометки на бумажке. Свекровь же нетерпеливо дергала его за рукав.

– Ну что, доктор, мальчик?

Старенькому профессору это, наконец, надоело, и он произнес:

– Если вы, мамаша, будете мешать, то вам придется покинуть помещение.

И подмигнул при этом Маринке. Она сразу прониклась симпатией к доктору. Но через несколько минут его лицо изменилось. Он сказал:

– Все нормально, это, бесспорно, мальчик, но вас, мамаша, я попрошу выйти и подождать в коридоре.

Свекровь с неохотой покинула их. А профессор, взяв Маринку за руку, произнес:

– У вашего ребенка есть изменения, несовместимые с жизнью. Если вы не избавитесь от него сейчас, то просто потеряете время. Ребенок все равно умрет, как только родится. Скажите, это ваша мама?

Слова доктора проникали ей в мозг, капали на сердце раскаленным металлом, их смысл медленно доходил до нее, в ужасе глядя на доктора, она прошептала:

– Нет, доктор, это моя свекровь.

Через несколько секунд страшный смысл слов, наконец, дошел окончательно. Ей показалось, что время застыло. Бледное лицо старого доктора стало похоже на маску. Весь мир вдруг изменился – пришла в движение комната, закружилась мебель, и стало очень светло, а потом темно.

Она очнулась от резкого запаха нашатыря, доктор легонько бил ее по щекам:

– Ну что ты, доченька, разве можно так реагировать? Это же не единственный ваш ребенок!

Старичок опустил на стул и вытер белым платком лысину, ставшую багровой.

– Уф, даже не представляете себе, как вы меня напугали! Вам лучше?

Маринка начала медленно вставать.

– Нет, нет, лежите немного.

Ей хотелось быстрее убежать отсюда, как будто доктор был виноват в том, что ее ребенок умирает.

Собравшись немного с силами, она выдохнула:

– Мне кажется, что вы ошибаетесь. Я знаю, что с ребенком все в порядке.

Старый профессор тяжело вздохнул и развел руками:

– УЗИ не обманешь. Сейчас очень хорошо видно сердце ребенка, уж поверьте мне. Тяжелейший порок сердца, такой даже оперировать нельзя. Он сразу умрет, как только родится. Зачем вам мучиться еще 12 недель? Вы не старая, можете еще родить. Сейчас модно рожать и в сорок. Отдохнете немного, и у вас все получится, если конечно захотите. Только не знаю, зачем вам это. В семье уже есть две девочки. По нашему времени это уже много.

Не слушая его, Маринка с мольбой в голосе спросила:

– Доктор, может быть, вы ошибаетесь? Этот ребенок не может умереть! Этого просто не может быть!

– Успокойтесь, милая, сейчас это сплошь и рядом. Посмотрите, какая экология. Когда я был помоложе и начинал делать УЗИ, такого не было. А сейчас у каждой третьей беременной выявляется патология. Жаль, что вы не пришли на обследование пораньше. Много времени потеряли....

Маринка вскочила с кушетки, рывком натянула юбку. Эта новость никак не укладывалась в ее голове. Посмотрев внимательно в глаза доктору, она медленно, растягивая каждую фразу, произнесла:

– Но я не каждая третья, доктор. Мой сын Виктор должен жить.

Доктор даже вскочил со своего стула. Сколько раз в своей жизни он наблюдал реакции беременных женщин, поэтому знал, что поведение любой из них после такого сообщения может быть непредсказуемым. Сейчас надо любыми способами успокоить ее. Он засуетился, подбежал к чайнику, в спешке опрокинув стул. Сейчас главное – проявить побольше участия. Наливая женщине воду, он произнес:

– Вы даже имя дали. Раньше так не делали, считалось плохой приметой. Я думаю, это было правильно, ведь он – не рожденное дитя, это эмбрион.

Маринку била дрожь. Трясущимися руками она схватила стакан и, глотая воду вместе со слезами, произнесла:

– Вы не понимаете, доктор. Этот ребенок для моего мужа был так важен. У нас не две, а три дочки, а он хотел сына.

Она вдруг вспомнила про свекровь:

– Я вас прошу, не говорите ничего моей свекрови.

– Об этом не беспокойтесь. Я дам вам направление в больницу, вам вызовут искусственные роды. Все будет хорошо. В нашей больнице делают полное обезболивание. Ну а свекрови скажете, что случился выкидыш. С кем не бывает?

Маринка все еще не верила в такой приговор. Она не понимала, почему так случилось. Порок сердца? Больное сердце – это «страх». Это ее страх отразился на ребенке.

Боже, что она скажет Сереже? Этого просто не может быть. Бог не должен допустить этого. Ведь Виктор – это Заратустра. Решено, что он родится. Ей и баба Алла об этом говорила, даже про его будущее рассказала.

Маринка была как во сне. Не попрощавшись с доктором, она вышла в коридор. Свекровь, увидев Маринку, испугалась.

– Что с тобой? Что сказал тебе этот противный врач? У тебя что – опять дочка!?

– Нет, успокойтесь, Лариса Федоровна, просто меня очень тошнит, мне плохо.

– Ну, это хорошо, – заулыбалась радостно свекровь, – меня всю беременность тошнило, значит, в нашу породу пошел. Хотя, – она с тревогой посмотрела на Маринку, – я давно хотела задать тебе вопрос: это правда от Сереженьки ребенок? А то чьи бы петушки не были, а цыплятки-то все наши, – добавила она ехидно.

Это невозможно было вытерпеть. Сколько раз она сдерживала себя, чтобы не поругаться с этой женщиной! Ведь Сережа будет переживать, но сейчас нервы были на пределе. Стерпеть такое оскорбление она не могла, слова сами собой слетели с губ:

– Вы просто дура, Лариса Федоровна, – сказала и зашагала прочь.

Вот и со свекровью поругалась. В голове лихорадочно возникали вопросы, один за другим:

– Что теперь будет? Бедный Сережа, он так мечтал о сыне, и еще эта глупая ссора со свекровью. Странно, ведь Аллочка никогда не ошибается. Что же случилось? Почему изменилась ее судьба? Вот правильно говорят: беда не приходит в дом одна.

Еще одна мысль беспокоила Маринку. Конечно, по сравнению с тем, что случилось сейчас, это была не проблема, но все же....

Больше всего внимания в их семье требовала к себе Дашенька. Маринка очень переживала за эту девочку. Она видела, как та страдает. Психиатр, который регулярно ее навещал, практически ничего не мог сделать.

Девочка часто уходила в себя: она подолгу молчала, на лице при этом было написано такое страдание, что у Маринки сердце обливалось кровью. А Машка постоянно ревновала Дашу.

Раньше Маринка старалась не выделять никого из детей, поэтому они всегда жили мирно. Но сейчас Дашеньке требовалось повышенное внимание. Маринка и Сережа старались окружить девочку любовью, и в семье начались ссоры между детьми.

Несмотря на то, что теперь они жили в большом просторном доме, и у каждой девочки была своя комната, дети постоянно выясняли отношения. Настя в этом не участвовала и просила Маринку не обращать на это внимание. Но Маринке казалось, что Маша сильнее Даши, поэтому ей приходилось постоянно вставать на сторону слабого. Она слышала, как Машка орала:

– Это моя мама, это мой дом! Ты вообще здесь никто, чтоб ты сдохла, как твоя мама!

Маринку очень расстраивали слова дочери. Она понимала, что Машка еще маленькая, но все равно очень огорчалась, когда слышала это. Тем более психиатр советовал не упоминать при Даше о прошлых событиях, чтобы девочка не чувствовала себя у них чужой. Маринка пробовала говорить с дочерью, но та ей заявила:

– Я хочу, чтобы Дашки не было, она не наша. Зачем ты притащила ее? Пусть уходит жить к своему папе, вызови его из командировки.

Маринка стала раздражаться на дочь и однажды даже отшлепала ее, хотя понимала, что это не выход. Она пригрозила, что если та будет обижать Дашу, то она отправит Машу жить в деревню к тете Клаве.

Видя, что мать непреклонна, Маша затаилась и стала ждать удобного момента, чтобы хоть как-то задеть Дашу. Даша чувствовала это, часто плакала.

Она общалась только с Маринкой и Сережей. Настя тоже не одобряла появление в семье Даши, но она была взрослая и могла понять, что так надо.

Подливала масла в огонь Лариса Федоровна. Она подолгу разговаривала с Машкой по телефону и обсуждала с ней «неправильный» поступок ее матери. Маринке так хотелось найти выход из этой ситуации. Сережа как мог утешал ее, говорил с матерью и дочерью, но от этого становилось еще хуже. Машка еще могла делить мать с Дашей, но вот отца...

Сережа тоже хотел помочь девочке освоиться в их семье, и поэтому часто брал ее на руки, жалел. Машка при этом всегда устраивала истерики. Если так пойдет дальше, то и Машке понадобится психиатр.

3

Сейчас на Маринку свалилось страшное горе. Ей надо побыть одной, собраться с силами, обдумать сложившуюся ситуацию. Надо поговорить с Аллочкой. Сегодня же сделает переход к ней в деревню.

До дома Маринка добралась быстро. Прошла в спальню, упала на кровать и залилась слезами. Она плакала, пока силы не оставили ее, и незаметно для себя Маринка уснула.

Ей снился странный сон:

Девочка бежала по лесу. Маринка догоняла ее, но никак не могла догнать. Лес был мрачный, незнакомый, чужой. Ей надо было, во что бы то ни стало, остановить ребенка. Она догадалась: это Машенька.

Девочка бежала по чуть заметной тропинке, две косички качались в такт бегу. Маринка сосредоточилась на этих косичках и не спускала с них взгляда. Ребенок бежал очень быстро, почти не касаясь ногами земли. Маринке мешал живот, она задыхалась. Чувство опасности, которое ощущалось последнее время, резко возросло, превращаясь в животный страх.

Вдалеке показалось огромное темное пятно, к которому неудержимо приближалась дочка. От ужаса Маринка закричала, девочка обернулась, и она с удивлением обнаружила, что бежавшая девочка – это Даша, и... проснулась.

Телефон звенел, разрывая тишину тревожными звонками. Дрожащей рукой она схватила трубку:

– Да, я слушаю вас.

На том конце провода высокий женский голос кричал в трубку:

– Мария Васильевна, я воспитательница ваших девочек. Я звонила вашему мужу, но его телефон недоступен. У меня плохая новость: Машенька пропала. Вы только не волнуйтесь, мы заявили в милицию, ее уже ищут.

Маринке показалось, что сердце сейчас выскочит из груди, так бешено оно колотилось. Она попыталась успокоиться. Стиснув трубку посильнее, Маринка взяла себя в руки и охрипшим от волнения голосом спросила:

– Как это случилось?

Прерывая свою речь рыданиями, воспитательница рассказала ей:

– Понимаете, Маша и Даша играли в игру. Они играли в нее уже два дня. Поменялись именами, попросили меня тоже называть их так. Дети в группе также поддержали забаву. Мне казалось, что таким образом девочки могут сблизиться. Игра нравилась и Машеньке, и детям. Даже Даша оживилась. Мы все стали называть Машеньку Дашей. Мне казалось, что они начинают дружить между собой. Я знала, что у вас с этим проблема, ведь Маша не принимала Дашу. Вы слышите меня?

– Да, да, рассказывайте быстрее.

– Так вот, сегодня мы вышли на прогулку. Я отошла от детей минут на пять, в туалет. Вы же знаете, у нас огороженная территория, я и раньше так делала. Мне потом дети рассказывали, что подъехала машина, вышел мужчина и позвал Дашу. Он назвал ее по имени и по фамилии, а фамилию он назвал вашу. Маша так привыкла, что ее Дашей называют. Подошла к калитке. Мужчина взял ее на руки, потом посадил в машину и уехал. Я сразу же вызвала милицию. Наверно, вам лучше приехать.

Женщина рыдала уже во весь голос.

– Да, я сейчас буду.

Маринка набрала телефон водителя и попросила его приехать. Сегодня он весь день возил ее, а сейчас был в городе и должен был забрать Настеньку из школы, а младших детей из сада.

Ребенок внутри нее непрерывно шевелился, очевидно, состояние матери передалось и ему.

Теперь это не Виктор, больше она не будет его так называть, ей надо привыкнуть к смерти мальчика. Все, больше она не боится за него. Она свободна от этого страха, но появился другой.

Кому нужно было красть Машу? Видимо похитителям нужен был другой ребенок – Даша. У Даши была иная фамилия, но это только на бумаге. Девочка знала только фамилию их семьи.

Когда они взяли Дашу к себе, появилась проблема с удочерением. Они смогли оформить только опеку, и то на время, пока Детский отдел не найдет близких родственников Даши. Сережа дал взятку чиновнице, чтобы родственников не искали. Покойная мать девочки хотела, чтобы ребенок жил с ними, и Маринка выполнила последнюю просьбу подруги.

Почему к машине подошла Машенька? Неужели она так увлеклась этой нелепой игрой?

Опять зазвонил телефон. Приятный мужской голос произнес:

– Вы – Мария Васильевна?

– Да.

– Я из милиции. Нам надо встретиться.

– Да, да, я сейчас приеду, – сказала быстро Маринка.

– Ни в коем случае, похитители могут вам позвонить в любую минуту, будьте дома. Я сам к вам приеду.

– А как же Дашенька? Надо ее забрать.

– Мне сказали, что девочек забирает водитель, вот пусть он и заберет ее. Сейчас очень важно не отходить от телефона. Если вам позвонят, постарайтесь подольше затянуть разговор, чтобы мы смогли определить, откуда поступает звонок. А будут звонить обязательно, скорей

всего им нужны деньги, а не ребенок. Чужой ребенок кому нужен? Сейчас и своих на улицу выбрасывают, вы же телевизор смотрите, знаете, что творится. Я скоро к вам подъеду.

Маринка позвонила водителю, отменила свой вызов и набрала телефон Сережи. И в этот раз он был недоступен. Она машинально посмотрела на часы – четыре часа, у него сейчас совещание и Сергей выключает телефон.

Маринка бесцельно бродила по дому, надо было чем-нибудь себя занять. Время от времени она набирала телефон Сережи, потом позвонила Фиме, но и его телефон так же был выключен. Она все время задавала себе один и тот же вопрос: почему снова так изменилась ее жизнь? Наконец она стала счастливой, и вдруг такое. Неужели она создана для страдания?

Входная дверь стукнула, приехали Настя и Даша. Маринка бросилась расспрашивать Дашу. Но добиться что-нибудь от девочки она не могла. Случившееся сильно потрясло ее, Даша все время плакала. А Настя сказала:

– Мам, оставь ее в покое, пусть в себя придет. К ней все пристают с расспросами. А что она знает? То же, что и воспитательница.

Маринка подумала:

– Как странно, Даше пять лет. Обычно в этом возрасте дети быстро забывают все огорчения, привыкают к новой обстановке. А Дашенька никак не может у нас освоиться. Часто плачет. Почему у нее такая неустойчивая психика? Впрочем, ее подруга тоже была очень нервной. Постоянно пила какие-то успокаивающие таблетки, видимо, Даша пошла в нее.

Ее размышление прервал оперативник. Он приехал очень быстро. Маринка встретила его у порога.

– Я буду заниматься вашим делом, – произнес мужчина и протянул Маринке свое удостоверение.

Маринка внимательно прочитала его удостоверение, тем более что одет мужчина был не по форме, а в джинсы и свитер. Она внимательно сличила фотографию в удостоверении с оригиналом. Вроде похож.

Мужчина был высокого роста, густые русые волосы открывали широкий лоб, пронзительные серые глаза смотрели участливо, с состраданием. Прямой правильный нос и ямочка на подбородке. Его внешность сразу же располагала к доверию.

– Надо же, – подумала Маринка, – с такой внешностью и в милиции работать, ему бы артистом быть.

На всякий случай она просмотрела его сущность, та переливалась теплым зеленым светом, зла в нем не было. Обычно такие люди приятны в общении.

Мужчина, видно, привык к такой реакции на него, он дал Маринке время, чтобы та составила о нем какое-то мнение, а потом заговорил.

– Меня зовут Юрий Иванович. Я задам вам несколько вопросов? Понимаю ваше состояние, но мне, чтобы найти ребенка, необходимо с вами поговорить.

Маринка пригласила его на кухню. Обычно все важные разговоры в их доме велись здесь. Они сели за стол, Маринка предложила милиционеру чаю, тот согласился.

– Юрий Иванович, вы за меня не волнуйтесь, я в порядке. Сейчас важно вернуть Машеньку.

– Скажите, у вас есть какие-то подозрения?

– Знаете, я думаю, что должны были украсть Дашу. Вы слышали, что девочки поменялись именами?

– Да, я разговаривал с воспитательницей. Похитители знали имя и фамилию ребенка, но, похоже, не знали, как выглядит девочка. Я думаю, что им разумней было бы украсть Машу. Как вы думаете, почему они выбрали Дашу? Возможно, что они не знали вашей истории? Просто выбрали семью, у которой есть деньги, и украли ребенка. Последнее время вы не чувствовали за собой слезку?

Маринка, конечно, чувствовала эту слезку, но разве может она рассказать об этом? А между тем он продолжал:

– Недавно на вас нападали. Вы смогли спрятаться и вызвать милицию?

– Да, я спряталась, позвонила мужу, и он вызвал.

– Но эти люди ничего не взяли? Как вы думаете, зачем они на вас напали? У вас есть какие-нибудь мысли на этот счет?

Маринка пожала плечами, она хорошо знала, зачем они напали, но вслух произнесла:

– Может быть, их кто-то спугнул?

– Мария Васильевна, насколько я знаю, у вас на журнальном столике лежали деньги и золотые украшения. Их нельзя было не заметить. Может быть, у вас на этот счет есть какие-нибудь мысли?

Если бы только знал этот милиционер, как она не любила врать! Но не рассказывать же ему всю правду? Маринка тяжело вздохнула и произнесла:

– Я не знаю, что и думать. Может, бандиты хотели взять меня, чтобы получить выкуп?

Это не вышло, и они решили украсть ребенка?

Оперативник в сомнении покачал головой:

– Как-то все это выглядит сомнительно. Так у вас вообще нет никаких подозрений?

И вдруг ее как током прошибло, Маринка взволнованно произнесла:

– Знаете, у Даши есть бабушка и дедушка, но мне кажется, что они о внучке ничего не знают.

– Почему вы так думаете? Вдруг они как-то узнали о рождении внучки и захотели забрать ее? Но почему они не пришли к вам напрямую? Зачем устроили это нападение?

– Юрий Иванович, сейчас мне кажется, что нападение на меня и кража ребенка не связаны между собой. Я и Дашина мама были подругами. Она рассказала мне, что родители ее мужа состоят в какой-то странной секте. Папа Даши, их сын, сбежал от них, когда закончил школу. Мне кажется, они способны украсть Машу. Они могли перепутать девочек.

При этих словах мужчина весь подался вперед.

– Секта? Вот это уже интересно! Мы постараемся найти их. Эту версию стоит проверить. Вот, возьмите мою визитку, если что-то вспомните – звоните. Главное, чтобы ребенка не вывезли из Москвы. Не сводите глаз с Даши, когда обнаружат, что к ним попала не та девочка, попытаются украсть другую. Вот тогда можно будет всерьез опасаться за Машу. Еще не факт, что они просто так возьмут и вернут ее. И еще, ваша семья состоятельная, я бы на вашем месте нанял охрану. Если кто-то сделал попытку напасть на вас, то уж поверьте моему опыту, они повторят ее.

Милиционер встал, он так и не притронулся к чаю. Маринка испугалась, что он сейчас уйдет и оставит ее одну наедине с ее отчаянием.

– Юрий Иванович, но что же нам делать? – воскликнула она.

– Ждать и молиться. Я понимаю вас, это трудно, у меня тоже есть дочка. Будем делать все, что в наших силах. И еще, по закону, если это действительно бабушка и дедушка Даши, вам придется отдать им девочку.

Маринка проводила его до двери. Даша успокоилась: она тихо сидела на диване, сжавшись в комочек, и смотрела в окно. Маринке стало очень жалко девочку, ей и так досталось в жизни, а еще это происшествие.

– Как ты, Дашенька?

Девочка вздрогнула, перевела взгляд на Маринку. Ее глаза наполнились слезами, голосок дрожал:

– Мама, а когда приедет Даша?

– Ты хочешь сказать Маша?

– Нет, мы поменялись с ней именами. Теперь я – твоя дочка Маша.

Маринка обняла девочку, прижала к себе.

– Это была ваша игра, малыш. А сейчас она закончилась. Ты – моя доченька, но зовут тебя Даша.

Но девочка упрямо стояла на своем:

– А мне Даша говорила, что я не родная тебе, а я хочу быть родной, как она. Мама, а ты не отдашь меня никому?

Сердце у Маринки болезненно сжалось.

– Ты самая родная, поверь мне. Я очень люблю тебя. Мы не расстанемся с тобой.

Маринка взяла девочку на руки и поцеловала.

– Скоро придет папа, Машенька найдется, и мы опять будем все вместе. Давай позвоним нашему папе.

Наконец телефон Сережи заработал. Он ехал домой. Только что звонили из милиции и сообщили о случившемся. Сергей был очень обеспокоен, Маринка чувствовала это по голосу. При этом он еще старался успокоить Маринку:

– А я только что собрался тебе позвонить, любимая, ты только не волнуйся. Тебе нельзя волноваться, мы вернем Машеньку. Как там Виктор? Все буянит, или успокоился?

Слова мужа больно резанули по сердцу, заставили вспомнить о сегодняшнем УЗИ.

– Сережа, давай не будем об этом, я не могу думать о своей беременности, когда такое случилось с дочкой. Приезжай быстрее.

Она положила трубку. Вспомнился сегодняшний сон. Да, сердце матери всегда чувствует беду. Где сейчас Машенька? Вдруг ее не кормят? Как с ней обращаются? К ней тихо подошла Настя, обняла ее, прижалась к ней и сказала:

– Мамочка, на тебе лица нет. Ты же у нас сильная. Тебе нельзя волноваться, сейчас папа приедет, все будет хорошо.

– Как ты выросла, дочка! Я так мало уделяю тебе времени.

– Мам, да все у меня хорошо, ты не волнуйся за меня. Может, нам баба Алла поможет, давай ей позвоним?

– Да, ты права, Настенька. Я сейчас Алисе позвоню, пусть она все бабе Алле расскажет, может, та свяжется со мной? Ты же знаешь, Аллочка теперь ни с кем не общается. Вдруг для нас сделает исключение?

Маринка набрала телефон бабы Аллы. После долгих гудков трубку, наконец, взяла Алиса. Она сразу же согласилась помочь Маринке. Сегодня Маринка сделает переход, ей, во что бы то ни стало надо поговорить с бабой Аллой. Это ее последняя надежда.

4

Похитители им так и не позвонили. Маринка с Сережей весь вечер не отходили от телефона.

Когда семья разошлась по спальням, Маринка прошла в комнату с калиткой и закрыла за собой дверь на ключ. В доме никто не знал про калитку. Маринка боялась, что дети случайно обнаружат ее, и тогда случится беда.

Сережа уже привык, что жена часто закрывается в своем кабинете, и не беспокоил ее. Маринка сделала переход.

Из-за разницы во времени в деревне уже была глубокая ночь. Маринка прошла по старой усадьбе. На лестнице она увидела белую фигурку с ребенком на руках. Скоро прокричат петухи, и фигурка исчезнет. Маринка привыкла к ней и не боялась. Она знала, что стоит подойти ближе, и та улетит прочь.

Но сегодня она почему-то не улетала. Маринке стало не по себе. Молодая женщина пристально смотрела на нее и не двигалась. Маринка остановилась и стала ждать. На всякий случай она спросила:

– Ты хочешь что-то сказать мне?

Девушка пошевелилась: она крепче прижала ребенка к себе, но не произнесла ни слова. И с места не сдвинулась.

Может, она не может говорить? Ей показалось, что девушка явно что-то хочет сообщить. Маринка не решалась идти дальше. Может быть, вернуться домой? Но ей обязательно надо поговорить с бабой Аллой. Скорей бы прокричали петухи! В отчаянье Маринка прокричала:

– Ты слышишь меня?! Если да, то просто кивни мне.

Девушка кивнула.

– Ты не можешь говорить? – догадалась Маринка.

Девушка опять кивнула.

Что же она пытается сообщить ей? Вдруг она махнула Маринке рукой, приглашая следовать за ней. Маринка, преодолевая свой страх, пошла за привидением к лестнице.

Девушка постоянно оглядывалась, чтобы убедиться в том, что Маринка следует за ней. Что она пытается сказать или показать? Вскоре они вышли в сад и направились к озеру. Ночь была светлая: огромная луна освещала печальный водоем. Возле него на полянке сидела молоденькая девушка, но она не была привидением.

При виде привидения девушка вскочила, и сказала, обращаясь к Аните:

– Спасибо, тебе.

Привидение кивнуло и исчезло.

Девушка приветливо улыбнулась Маринке.

– Идите сюда, не бойтесь, я именно вас жду.

– Кто ты? – Маринка уже так привыкла ко всяким чудесам, что совсем не удивилась этой встрече.

– Вы хотите знать мое имя? Но оно не скажет вам ничего. Лучше посмотрите на мою сущность, ведь вы так всегда делаете? Это скажет вам больше, чем имя.

Маринка взглянула на девушку своим особым взглядом, и обнаружила, что сущность у девушки светлая, почти белая, что говорило о доброте. Но присмотревшись повнимательнее, Маринка заметила в глубине этой сущности небольшое черное пятно. Существо девушки было отравлено ненавистью. Видно было, как девушка волновалась, видимо, для нее был очень важен этот разговор.

– Видите, я не враг. Я хочу помочь Бенну. Я ее родная сестра по ппапе, – при этом слове она запнулась, но, собравшись с силами, продолжила.

– Меня зовут Халли. Бенну много рассказывала мне о вас, но в отличие от нее я знаю, кто мой настоящий отец. Эта наивная дурочка спит с ним. Правда, меня он тоже лишил невинности, но ни одна из его дочерей не может избежать этого. За это я ненавижу его больше всего. Бенну сразу умрет, если узнает о том, что он ее отец.

Видя тревогу в глазах Маринки, она поспешила ее успокоить.

– Не бойтесь, я не расскажу ей об этом. Я знаю Бенну с детства. С тех пор как ее нашли возле калитки. Я тоже могу ими пользоваться. Я родом из Кемета, а моя мама была няней Бенну. Она и выучила ее письму и чтению по-русски. Моя мама была русской княгиней, когда ей было семнадцать, ее захватили в плен и продали Миносу. Он овладел ею, и так родилась я. Но моя мать не могла смириться с пленом, постоянно устраивала Миносу скандалы. Ему это надоело, сначала он хотел ее убить, но потом почему-то раздумал и продал ее приемному отцу Бенну, Сененмуту. Ребенка, то есть меня, он оставил себе. Мне было три года. Приемный отец Бенну очень хотел детей, поэтому он и взял мою маму, даже не посмотрел на то, что она уже была испорченной. Она так и не забеременела от него. Я тайком бегала к маме. Никто об

этом даже и не догадывался, моя мама о многом знала, но рассказывала обо всем только мне. И еще, у Миноса живет очень старая женщина, зовут Изольда, с ней он постоянно общается. Она такая страшная, настоящая ведьма.

Девушка замолчала. Она грустно смотрела на Маринку. Маринка не знала, что сказать. Слова девушки вызвали в ней воспоминания. Уж не та ли Изольда живет у него? Она когда-то готовила ее к посвящению. Селена говорила, что та исчезала из своей деревни надолго. Может быть, и Изольда умеет пользоваться калитками?

Халли прервала ее молчание:

– А знаешь, ведь Минос не стареет. Стареют только его многочисленные жены. Изольде он доверяет многое. Обычно, когда женщина становится старой, она исчезает бесследно. Куда он их деваает, я не знаю. Моя мама подслушивала разговоры Изольды и Миноса. Так она узнала, что Бенну – его дочь. Он страшный человек, а может не человек?

Последние слова Маринка не слышала, она думала об Изольде, ведь это очень опасная и злобная ведьма, и ее дочка находится рядом с ней.

Она отогнала от себя эти мысли, но все же спросила:

– Когда-то я встречалась с одной Изольдой. Кто знает, может быть, это одна и та же женщина? Но что ты хочешь от меня? Чем я могу тебе помочь?

Девушка с жаром заговорила:

– Я слышала, что вы обладаете невероятной силой. Надо убить его! Знаю, он хочет уничтожить вас и вашего ребенка. Теперь я тоже подслушиваю, как моя мама. Но он боится вас и особенно вашего ребенка. А скоро Минос завладеет какой-то книгой, и тогда будет поздно. Его никто не сможет уничтожить, он станет неуязвим.

При этих словах Маринка напряглась, речь явно шла о книге Судеб. Она спросила с тревогой:

– Что он говорил о книге?

– Он говорил, что у него есть план, как ею завладеть. Минос ждет смерти какой-то старухи, и он хочет уничтожить и тебя, и твоего ребенка.

Маринка подумала:

«Господи, что же я могу? Кем они считают меня? Да, я легко могу убить человека, но разве буду убивать? Я сама нуждаюсь в помощи, ребенок внутри меня гибнет. Дочь украдена, а меня призывают бороться. Но разве можно бороться с Ним? Эта девочка и представить себе не может, с кем она хочет бороться».

В отчаянии спросила:

– Что ты хочешь от меня?

Девушка воскликнула в изумлении:

– Как что?! Вы же мать! Неужели вам все равно, с кем живет ваша дочь?! Ведь это грех! Если он боится именно вас, это не просто так. Я знаю его очень хорошо!

Маринка спросила:

– Как ты себе это представляешь? Я приду к нему и убью, а что скажет Бенну?

И, не дожидаясь ответа, добавила:

– Она любит его больше жизни, если ты ее подруга, ты должна знать об этом. У меня такое впечатление, будто мы с тобой говорим на разных языках. Я же тебе объясняю – мне самой нужна помощь.

Но Халли, казалось, действительно не слушала Маринку. Она продолжала:

– Моя сестра – просто дурочка. Она не понимает, что, когда он будет мертв, она найдет свое счастье. Сейчас он держит ее под контролем. Я это испытала на себе.

– И я тоже, – грустно подумала Маринка.

Может быть, он и эту встречу подстроил? Что-то Бенну никогда не рассказывала о подруге. Нет, не похоже, слишком уж девушка откровенна.

Маринка спросила:

– А сейчас ты не под контролем?

Девушка вспыхнула.

– Нет, что вы! Кто я для него? У него таких как я десятки. Я живу у него во дворце и жду, когда отомщу ему. А Минос на меня вообще не обращает внимания, как будто я – пустое место.

Маринка старалась быстрее закончить этот разговор. Надо было срочно встретиться с бабой Аллой, необходимо решить свои проблемы. Она торопливо спросила:

– У тебя есть какой-нибудь план? И, кстати, откуда ты знала, что я приду сегодня?

– Я часто бываю здесь, возле озера. Тайком наблюдала за вами не один раз. Я научилась общаться с Анитой, даже подружилась с ней, ты видела, она – приведение. Анита привела вас ко мне. К сожалению, у меня нет никакого плана. Но я могу быть полезна. Хотите, я буду встречаться с вами и рассказывать обо всем, что услышу?

В голосе девушки слышались нотки отчаяния. Маринке стало ее жаль.

– Ты хочешь, чтобы я боялась и за тебя? – грустно спросила она. Как ты думаешь, что с тобой сделают, если все это откроется? Давай не будем рисковать твоей жизнью?

Она пыталась отговорить Халли, но девушка стояла на своем.

– Значит, вам наплевать на все? Конечно, вы заняты своей беременностью, что вам Бенну? Мне она сестра и я думаю о ней больше, чем вы. Мне кажется, он может убить сестру, ее любовь стала ему в тягость. Сколько это продержится? Знаете, какое большое количество женщин погибло у него? Они появляются десятками, потом исчезают. Все они его рабыни. Он устраивает пытки. В его дворце проходят оргии. Женщин заставляют делать отвратительные вещи. Приемный отец Бенну очень болен, скоро он отойдет в поля мертвых, Бенну останется без защиты, и вот тогда...

Маринка перебила ее:

– Давно ты видела Бенну?

– На днях с ней встречалась. Она говорит о вас с такой любовью, словно вы воспитали ее. Я пробовала говорить с ней о ее господине, но она похожа на глупую кошку. Просто с ума сходит по нему. Это наваждение. Разве можно любить его?

– Да, ты права, моя дочь слишком увлечена своим мужем, она создана для любви. Не видит ничего вокруг, кроме своего господина. Прощает ему все, что бы он ни сделал. И я действительно боюсь за нее, но у меня еще трое детей. Они маленькие, и я должна думать и о них. Я в детстве потеряла мать. Я не хочу, чтобы мои дети остались без мамы, как я.

– Значит, вы не будете ничего делать? – спросила в отчаянии Халли.

Маринка пожала плечами.

– Я еще не знаю. Когда у человека есть дети, он становится уязвимым, несмотря на ту силу, которую имеет.

– Ладно, я поняла, но, если вы передумаете, найдите меня через Бенну. Я знаю, что вы общаетесь. Скажите ей, что хотите увидеться со мной, и я приду сюда ночью, как сегодня. И вообще, имейте в виду, что я здесь часто бываю. Была бы моя воля, я бы насовсем перешла в этот мир. Теперь прощайте.

Халли грустно улыбнулась и устало побрела в сторону усадьбы. Маринка долго смотрела ей вслед, пока та не скрылась из виду. Тяжело вздохнув, Маринка отправилась к бабе Алле. Разговор с Халли усилил тревогу, царившую в ее душе.

Уже начало светать. Несмотря на раннее время, Алиса и баба Алла уже были на ногах. При виде старушки сердце Маринки сжалось.

– Как сильно постарела баба Алла! Она как будто уменьшилась размера на два.

Алиса ворчала:

– Да вот полюбуйся, во что она превратилась. Все смотрит в книгу, поесть забывает, на улицу не выходит.

Алиса считала себя дочкой бабы Аллы. Еще с трех лет она стала ходить по пятам за этой женщиной, вызывая у Насти, настоящей ее матери, приступы ревности. Но как ни старалась Настя, девочка не принимала настоящую мать, убежала к бабе Алле, и, в конце концов, Насте пришлось смириться с этим. Девочку оставили в покое, и она стала жить с бабой Аллой.

Совсем не обращая внимания на ворчанье Алисы, баба Алла примирительно сказала:

– Да не волнуйся ты, дочка, скоро эту одежду сброшу, что ж ее жалеть?

При этом старушка поспешила навстречу Маринке:

– Проходи, проходи, доченька, давненько мы не виделись.

Маринка с любовью смотрела на старушку. Сколько раз эта женщина меняла ее жизнь коренным образом? Неужели наступит такое время, что им придется расстаться? Кто тогда поможет ей? Баба Алла заменила ей мать. К кому, как не к матери, обращаются люди, когда плохо? Вот и сейчас она пришла к ней за помощью и с отчаянием в голосе произнесла:

– Баба Алла, столько всего произошло! Виктор умирает, Машку украли, я просто в ужасе! Помоги мне, объясни, почему умирает Виктор? Почему изменилась моя судьба?

– Судьбу ты изменила сама, – хладнокровно сказала баба Алла.

Видя изумление Маринки, спросила более мягким тоном:

– С тех пор как мы расстались, что ты делала?

Слова бабы Аллы, как всегда, застали ее врасплох. Она, запинаясь, ответила:

– Я просто жила, жила как все, я устала от колдовства.

На глазах у Маринки выступили слезы. Но баба Алла, не обращая внимания на ее слезы, сказала:

– Ты не только жила, но ты еще и боялась. Ты не поняла, что ты не совсем обычный человек? Ведь твоя сила не каждому дана. Все, что происходит с нами, делаем мы сами, ведь ты знаешь это. Но ты не учишься, что у тебя все это проявляется сильнее, чем у обычного человека.

Маринка в отчаянии обхватила голову руками. Голос ее дрожал:

– Опять я сама! Баба Алла, что я сама захотела, чтобы умер мой Виктор?!

Баба Алла немного смягчилась:

– Он пока не умер, хотя, может быть, принял решение – не жить. Этого я знать не могу.

Она тяжело вздохнула и продолжила:

– Возможно, он пытается защитить тебя и других людей, которых ты убиваешь?

Такого вопроса Маринка совсем не ожидала. С негодованием воскликнула:

– Я убиваю!?

Не обращая внимания на ее крик, баба Алла продолжала:

– Да, Маринка, убиваешь. Помнишь тех бандитов, которые пришли к тебе в дом?

Еще бы, она никогда не забудет этого. При чем тут убийство? И разве это имеет отношение к Виктору? Беседа начала ее раздражать. Куда клонит баба Алла? Она сказала нетерпеливо:

– Да, баба Алла, конечно, помню. Я спасала Виктора, я ушла через калитку. Фактически Бенну спасла мне жизнь, мне и Виктору.

Баба Алла подошла к окну, взглянула на улицу и с удивлением воскликнула:

– Смотри-ка, Маринка, зима уже! Красиво-то как!

А Маринка с тревогой подумала:

– Что это с ней? Какая-то она странная, уже два месяца как зима. Неужели она ни разу в окно не смотрела?

Видя ее замешательство, баба Алла сказала:

– Не удивляйся так, занята я была очень. А теперь закрой глаза и посмотри, что было бы, если бы ты не убежала от бандитов, а осталась дома.

Маринка послушно закрыла глаза. Перед ней возникли стены ее спальни. Шум доносился из прихожей, топот ног. Она смело вышла навстречу бандитам и приказала им остановиться.

Главарь упал как подкошенный. Позже врачи констатируют смерть от сердечного приступа. Остальные тоже повалились на пол. У них на время отнялись руки и ноги. Маринка спокойно вызвала милицию. И их забрали. Как странно, было такое ощущение, что это действительно происходило с ней, до того реальны были эти образы. Она растерялась:

– Баба Алла, но я опять должна была убить человека, а разве я имею на это право? Ведь ты сама говорила, что самое дорогое – человеческая жизнь. Выходит, я поступила правильно, потому что спасла от смерти главаря этой банды.

Баба Алла терпеливо объясняла ей:

– Этого бандита ты не убила бы, он умер сам. Он совершил столько зла, убил многих людей. Встреча с тобой принесла ему то, чего он заслуживал. А теперь смотри дальше, смотри, что было на самом деле после того как ты убежала.

Маринка опять закрыла глаза и увидела жилой дом. Эти же мужчины таскали мешки, потом был взрыв. Она смотрела на то, как огромные плиты падали на людей, она видела смерть. Огромный жилой дом сложился как карточный. Потом перед ней вставали картина за картиной: лилась кровь, гибли люди, раздавались крики о помощи. Маринка заплакала.

– Неужели я могла спасти их?

А баба Алла сказала грустно:

– Многих да, могла бы спасти. Понимаешь, Маринка, общество болеет, а ты доктор, ты можешь помочь людям изменить сознание. В нашем мире главенствует сознание жертвы. Объясняя людям, что они сами находят своего палача, ты можешь помочь очень многим. Ты могла бы уберечь их от несчастья, объясняя причину его возникновения. Могла бы дать им шанс выжить. Я не буду показывать тебе остальные преступления этих выродков, и этого достаточно. Фактически Бенну помогла тебе спастись, но ты видишь, к чему это привело? В тебе сила, но ты выбрала другой путь, мне очень жаль, но нельзя заставить человека бороться со злом и помогать людям, если он сам этого не хочет.

А теперь посмотри свою аварию, она могла бы закончиться по-другому.

Маринка опять закрыла глаза. Сейчас на нее двигался грузовик, она приказала ему остановиться, и он встал как вкопанный. Ее машина цела, водитель грузовика сумел затормозить. Он остался жив, а в жизни он погиб.

Маринка опустила глаза, судорожно вздохнула и тихо промолвила:

– Как мне теперь все это исправить?

– Ты же знаешь, Маринка, что прошлое не исправишь.

– Я поняла, мой малыш больше не хочет смертей, поэтому выбрал свою смерть. Но как мне вернуть Виктора? Или уже поздно?

– Поздно? Нет, в жизни нет ничего невозможного. Ладно, иди к книге.

Маринка подошла к книге Судеб.

– Теперь, дочка, открой ее и прочитай то, что бросится в глаза.

Маринка осторожно открыла книгу. Наверху страницы она увидела следующую фразу: «...Богу же все возможно». (От Матфея гл.19 п.26).

– И что? Баба Алла, я что теперь молиться должна?

– Какая же ты нетерпеливая! Читай дальше объяснение этой цитаты из Библии, читай ее вслух.

Водя пальцем по строчкам, Маринка прочла следующие строки:

«Бог в каждом человеке. И ему возможно все. Просто прими решение, что можешь, и жизнь подскажет тебе, как этого добиться».

Лицо Маринки озарилось надеждой:

– Баба Алла, миленькая, пожалуйста, подскажи, как мне вернуть к жизни Виктора? Как найти Машеньку?

Баба Алла огорченно всплеснула руками:

– Ну вот не будет меня, что ты станешь делать? Тебе уже книга говорит, что сама ты можешь все. Ты сильнее меня, моложе, у тебя сила. Надо не бороться со злом, а с ним справляться. Ладно, пошли чай пить. Вон смотри, Алиса стол накрыла.

Маринка быстро прошла к столу, на ходу задавая следующий вопрос.

– Как, как справляться? Что делать? Я просто с ума схожу дома. И все время боюсь, боюсь! Вот ты позвонила Матрене, и она теперь не хочет, чтобы я работала, говорит опасно мне из дома выходить.

Разливая чай по кружкам, старушка грустно произнесла:

– А я не звонила, Маринка, Матрену видно обманули. Возможно, кто-то подделал мой голос? Подумай, кому это выгодно? Охо-хо, что творят! Что творят!

Ладно, это уже произошло, с этим разобрались. А теперь скажи, тебе что, Машенька мешать стала?

– Да, – вздохнула Маринка, отхлебывая душистый чай, – она действительно стала меня раздражать. Никак не могла примириться с Дашей.

– А с кем ты никак не можешь примириться?

Маринка задумалась и с удивлением вскрикнула:

– Неужели со свекровью!? – сказала она и опустила голову. Стало стыдно. Никак она не может наладить с ней отношения. Неужели дети ругались по этой причине?

Словно читая ее мысли, баба Алла сказала:

– Да, Машенька и Даша отражают взрослых. Любой ребенок до тринадцати лет отражает своих родителей, воспитателей, бабушек и дедушек. В общем, всех, кто его окружает. У Машеньки внутри кипело и твое раздражение, и бабушкино. Даша так же чувствовала себя жертвой. Взрослые часто считают, что дети жестокие, но это не так. Дети просто демонстрируют, что спрятано внутри взрослых. Любая злоба разрушает.

– Теперь мне понятно, почему Машенька не принимала Дашу. Я жалела Дашу и делала из нее еще большую жертву.

– А что ты думала о сыне?

– О Господи, а ведь ты права! Я не радовалась ему, я торопила время, чтобы он побыстрее родился!

– Ну да. Фактически ты давала команды своей жизни вытащить из тебя ребенка побыстрее.

– Ты хочешь сказать, что, если кто-то мне мешает, например, дети, их жизнь может убрать?!

– Я сталкиваюсь с этим очень часто, Маринка. Ребенок отнимает много времени, с ним надо заниматься, а мама или папа чувствует, что это тяжело, почти невыполнимо, потому что надо много работать и так далее. В этом случае ребенок будет болеть и даже может умереть. Если спросить такую маму, у которой умер ребенок, хотела ли она этого, она очень удивится. Порой женщина и не помнит, как она жаловалась подружкам, что с ребенком очень тяжело, что он плачет по ночам, спать не дает. Как хочется быстрее выйти на работу и т. д. Ребенок маленький, он любит маму и хочет ей угодить. Взрослые даже не подозревают о том, что ребенок реагирует на любую мысль родителей. И вот он просто уходит из тела, освобождая взрослых. Если бы женщины были внимательнее, то они бы заметили эту связь. Просто так маленький человечек не болеет. Они все сваливают на то, что, мол, простудили, плохо одели, а это ложь. Все дело в родителях или в воспитателях, не бывает случайных болезней, все болезни только ментальные.

Маринку всегда интересовал этот вопрос, и она с удивлением спросила:

– Знаешь, баба Алла, я всегда думаю, вот болеет ребенок, разве он согрешил? Ты считаешь, что все болезни от ментальных нарушений?

– Нет, ребенок не успел еще «нагрешить», но иначе как глаза людям открыть? Как остановить ненависть, зло? В этом мире нет несправедливости. Это только люди придумывают ее, чтобы оправдать себя и обвинить кого-то. Еще раз повторюсь, все, что происходит с нами и с нашими детьми, делаем мы сами.

Маринка вспомнила о том, как она сегодня поругалась со свекровью, и сказала бабе Алле:

– Знаешь, баба Алла, я свекровь дурой назвала, не сдержалась.

– Это ты не ее назвала, а себя. Это обязательно в твоей жизни и проявится.

– А я уже и чувствую себя дурой, сколько дров наломала!

– Ладно, Маринка, дело в прошлом. Себя ругать не надо. Что же сожалеть о том, что уже прошло? Просто выводы делать надо.

– Баба Алла, а как мне быть с Виктором?

– Не понимаю, о чем ты?

– Мне направление выписали на аборт, что мне делать?

– Я думаю, что делать этого не нужно. Твой Виктор будет здоров. Только от тебя теперь это зависит. Самая сильная эмоция в нашей жизни – это страх. Но если ты понимаешь, как работают вселенские законы, то ты бояться ничего не будешь.

– Как же трудно это сделать!

– На первый взгляд трудно, но скажи себе, что легко, просто прими решение о том, что это легко. Так и будет!

Маринка засмеялась.

– Баба Алла, ты самая великая оптимистка!

– Да, это так. Я просто знаю, как устроена жизнь. В моей жизни все зависит только от меня, а в твоей – от тебя. Если бы каждый человек знал об этом! В основном люди считают, что от них ничего не зависит. Каждый человек способен установить мир хотя бы внутри себя, в своей семье, и тогда может измениться государство.

Баба Алла подошла к Маринке, обняла ее и сказала:

– Ладно, дочка, приходи, когда справишься со своей бедой. Будем с тобой на уровне ходить, поможем людям. Прощай теперь.

Но Маринка никак не хотела расстаться с ней:

– Баба Алла, а нельзя с помощью твоей книги посмотреть, что с Машенькой? Я просто с ума схожу, где моя девочка?

– Где она, мы узнать не сможем, но посмотреть, что с ней, ты и сама без книги можешь. Это тебе доступно. Но запомни, использовать это умение можешь только по отношению к своим детям, и то только до тринадцати лет. Потом делать этого нельзя, так как душа твоя в тело не вернется. Сегодня дома одна будешь, закройся, чтобы никто не мешал, и ляг на кровать. Тебе надо будет обратиться к своей душе, попросить ее выйти на время и полететь к Машеньке. Только помочь ты ей не сможешь. Не знаю, как там с ней обходятся. Может этого лучше и не знать...

– Что, ты, баба Алла! Как же можно?! Мне лучше знать, что с ней. А вдруг я пойму, где ее держат? Может, так мы ее и найдем. Ладно, баба Алла, спасибо тебе. Ты опять, как всегда, помогла мне. Я не хочу, чтобы ты умирала.

– Доченька, да если бы не я, ты уже давно бы своей силой пользовалась. Ты ведешь себя как ребенок, все ответственность на себя взять не можешь. Вот и выходит, что лучше мне уйти, иногда это полезнее, чем остаться. Про смерть больше мне не говори, это ложь, ты же об этом знаешь.

Они замолчали. Их недолгое молчание первой нарушила баба Алла, она спросила:

– Ты сейчас о Викторе задумалась?

– Да, как же жить с ним, он ведь такой разумный, уже решения какие-то принимает!

– А ты думаешь, что только твой ребенок такой? Все дети, пока в утробе, все знают и понимают. Они еще знают о своей прошлой жизни, о том, кем они были. Виктор родится и обо всем забудет. В том числе и то, как он у тебя в животе сидел. Иначе нельзя. В противном случае человек не сможет жить в настоящем, он будет думать только о своей прошлой жизни. И, в конце концов, его жизнь превратится в соль. В Библии есть притча про жену Лота, которая превратилась в соляной столб, лишь только оглянувшись назад. Библия показывает, что прошлым жить нельзя.

– Баба Алла, а вот сейчас жизнь Виктора зависит от меня? Или от него самого?

– Любой ребенок может принять решение жить ему или нет, даже еще не родившейся ребенок, потому что это его жизнь. Если кто-то в семье не хочет ребенка, то он может и не родиться.

– Из-за чего?

– Просто чтобы угодить близким. Ребенок знает, что жизнь бесконечна и смерти нет.

– Если он думает, что своим рождением он помешает маме или папе, он может не родиться?

– В общем, да. Вот твоя свекровь очень хочет мальчика, ждет его, этим она помогает ему выжить. А подумай, если бы она не хотела этого ребенка? Я тебя уверяю, тогда у тебя прибавилось бы трудностей, возможно, он бы и не выжил после рождения. Люди, когда не хотят детей, запускают программы на их уничтожение.

– Баба Алла, что значит не хотят? Может так быть: один хочет, а другой нет.

– Да, вариантов могут быть тысячи. Кроме желаний родителей, есть еще и унаследованные программы. Здесь все будет зависеть от конкретной ситуации. Любовь мамы может быть сильной, а папа, возможно, продемонстрирует полное безразличие. И ребеночек в этом случае будет здоров и счастлив. Ведь любовь мамы покрывает все.

– А когда ребенок рождается в благополучной семье, по обоюдному согласию обоих родителей?

– Когда он желанный, это самое лучшее. А бывает так, что ребенок зачат, а папа не хочет, чтобы он родился. Даже может и хочет, но боится. Ведь ребенок – это большая ответственность. Или его родственники не принимают невестку, все ждут, пока сынок разведется. В этом случае ребенок болеть будет, если вообще выживет. Тут многое от мамы зависит, насколько она этого ребенка хочет, тем самым мама поможет ему выжить.

Все сказанное бабой Аллой так поразило Маринку, что она с жаром сказала:

– Вот если бы люди об этом знали, страшно подумать, что бы в мире произошло! Тысячи людей осуществили бы свои желания. Столько бы семей разрушилось! Ведь стоит человеку только начать концентрироваться на уничтожении другого, как это начнет воплощаться в жизнь!

– Ты здесь не права. Пойми одно, когда человек кому-то желает смерти, он больше разрушает себя самого. Такие люди не бывают счастливы. Они ругаются в своих семьях, у них конфликты на работе или большие проблемы со здоровьем. А если человек не перестает злобиться, то его уничтожают, как раковую клетку. Ведь вселенная – это единый организм. А человек в ней маленькая клеточка. Если эта клетка постоянно законы нарушает, то она непременно будет уничтожена.

Баба Алла с тревогой посмотрела в сторону комнаты, где лежала книга Судеб. Дверь была приоткрыта, и Маринка увидела слабое голубое сияние.

– Не могу я больше, дочка, с тобой говорить. Прощай, – и, махнув рукой на прощание, баба Алла засеменила к своей книге.

Маринка взглянула на часы и ужаснулась: уже девять утра по Москве. Настя должна быть в школе, Дашенька в саду. Вдруг Сережа ее ищет? Хотя Сережа уже привык к тому, что она

может проводить в своем кабинете всю ночь, если что, он ей может позвонить. Может быть, похитители объявились?

И в ответ на ее мысли зазвенел сотовый телефон. Приятный мужской голос произнес:

– Мария Васильевна?

– Да, это я.

– Это вам из больницы звонят. Ваши роды назначены на завтра, на девять часов утра. С собой приносите халат и тапочки.

– Спасибо, но я не приду. Передайте профессору, что я буду делать аборт в другой клинике.

– Ну все, Алиса, мне пора.

Девушка укоризненно покачала головой:

– Маринка, следи за своими словами. Что ты говоришь?

Маринка смутилась:

– Да я же просто так, чтобы отвязались!

– Ложь – она и есть ложь, подумай об этом. И еще, поговори со своим папой о прошлом. Мне кажется, что там есть что-то такое, что тебе не рассказывают. Может быть, мама ушла из жизни не из-за Мишеньки? В тебе есть какая-то программа, не могу понять какая. Пообщайся с папой, узнай больше о прошлом.

– Алиса, ты что, забыла? Это наш общий папа. И ты тоже можешь поговорить с ним, тем более что я пыталась сделать это не раз, и все безуспешно.

– Маринка, ты забываешь, кто я. Меня нельзя обмануть! У нас с тобой разные папы. Хотя я и не стала еще полноправным Хранителем, но годы, прожитые с бабой Аллой, не прошли даром. И прошу тебя, не произноси слово отец. Отец у нас один, это Господь Бог, так в Библии написано, а папу всегда называй только папой.

Маринка замерла в удивлении:

– Вот так номер! А ты знаешь, кто твой папа?

– Не знаю. Я думаю, об этом знает моя мама, но ни за что мне не скажет. Разве ты не знала, что обмануть Хранителя невозможно?

Маринка смутилась:

– Не обижайся на меня, я хотела как лучше. А папа правда что-то скрывает, но он даже слушать меня не хочет. Мне кажется, он просто старается забыть прошлое.

Девушка пожала плечами:

– Не понимаю, что за проблема? Пусть приедет ко мне, и мы поговорим. Ничто не изменится у него со здоровьем, пока тайное не станет явным.

– Алиса, это невозможно, он даже слушать об этом не хочет!

– Я думаю, ты заблуждаешься в этом вопросе. Попробуй уговорить его приехать ко мне, раз тебе самой не удастся с ним поговорить.

Маринка подумала:

«Возможно, Алиса права, надо постараться уговорить папу. Два инфаркта – это не шутка».

– Ладно, спасибо тебе, Алиса. Ты становишься похожа на Хранителя.

– Хранители все похожи. Береги себя, прощай.

Маринка поцеловала девушку и быстро побежала в сторону усадьбы. Как хорошо, что баба Алла жила рядом с ней! Ей не хотелось встречать никого из местных, вопросов много будет. Больше всего она боялась, что кто-нибудь проследит за ней и обнаружит калитку. Пока Бог миловал. Маринка быстро сделала переход.

5

В доме было тихо, только с кухни доносились какие-то странные звуки. Маринка подошла и увидела там Иру, их домработницу. Та сидела за столом и плакала.

– Господи, Ира, кто тебя обидел?!

– Мария Васильевна, я как узнала про все, не могу успокоиться. За что это вам? Машенька так и стоит перед глазами. Сергей Федорович попросил меня пораньше прийти, я здесь с семи. Детей я проводила, вас попросил не беспокоить, а телефон так и не звонил. Хоть бы эти уроды позвонили, что им надо? Ой, Мария Васильевна, на вас лица нет, вы не спали?

– Да, Ира, не могу уснуть. От Сережи ушла в другую комнату, чтобы его не беспокоить.

– И хорошо, что ушли. Ваша свекровь приезжала сегодня утром. Тут такой скандал был! Она хочет, чтобы ваш муж выступил по телевизору, чтобы Машеньку вернули, потому что ее перепутали с Дашей. Они так сильно ругались! Неужели вы не слышали?

– Ты же знаешь, Ира, что комната моя самая дальняя, дверь в ней никакие звуки не пропускает, специально так сделали. Ну и что решил Сергей?

– Он сказал, что, как в милиции решат, так и будем делать.

– Вот и правильно.

Ирочка с недоумением смотрела на Маринку:

– Не знаю, Мария Васильевна. Может быть неправильно это, ведь свой ребенок всегда ближе. Кто знает, может и права ваша свекровь!

– Ну что ты Ира говоришь такое? Мы же не знаем, что они хотят. Как можно им отдать девочку? Родная, не родная, какая разница? Мне она как дочь. Я так же и по ней с ума сходить буду. Ты, Ира, сегодня последи за телефоном, а я пойду, посплю, если смогу. Когда позвонят, затяни разговор, скажи им, что меня надо позвать. Наш номер прослушивается.

– Конечно, не волнуйтесь, я все сделаю.

Маринка прошла в свою комнату. Здесь у нее стояла широкая кровать, но она даже гостей здесь не оставляла на ночь. Вдруг кто-нибудь нечаянно воспользуется калиткой? Маринка подошла к зеркалу-калитке и взглянула на себя. Ну и видок! Эти волнения не прошли для нее даром. Под глазами черные круги, лицо осунулось. Она тяжело вздохнула. Подошла к кровати и легла. Сейчас Маринка попытается увидеть Машеньку. Жива ли она? Где ее держат? Только так она сможет помочь дочери вернуться.

Маринка стала представлять себе дочку. Вскоре перед глазами возникла незнакомая комната с низким, красиво расписанным потолком. В ней стояли две кровати, одна из них, особенно широкая, хотя и была плотно придвинута изголовьем к стене, занимала собой чуть ли не третью часть помещения.

На этой кровати Маринка увидела Машеньку, девочка спала. У нее как раз сейчас дневной сон. Слава Богу, она жива!

Окна в комнате были закрыты плотными шторами. С потолка, посредине комнаты, на позолоченной цепи свисала шестирожковая люстра из позолоченного серебра. Каждый рожок был сделан в форме свечки. Справа у постели она увидела старинный канделябр с шестью зажженными церковными свечками.

– Господи, – подумала Маринка, – какая неосторожность: оставить зажженными свечи рядом с ребенком! Маринка старалась осмотреть всю комнату, она надеялась найти хоть маленькую щелочку в шторах на окнах, но все напрасно. Шторы были задернуты плотно. Тогда она подлетела к двери, оттуда в комнату проникал свет. Что это – дом или квартира? Этого она понять не могла. Но зато она явно услышала чей-то разговор. Голоса принадлежали мужчине и женщине. Они о чем-то спорили, но старались говорить тихо.

Вдруг дверь резко распахнулась, и огромный черный пес влетел в комнату. Он настороженно заворчал, и шерсть на его загривке встала дыбом. Очевидно, он почувствовал Маринку. Вслед за ним в комнату вошла женщина, плотно прикрыв за собой дверь. Она сердито одернула пса:

– Тихо, Каннибал.

Тот, как видно, панически боялся женщины, поджав хвост, он одним прыжком вскочил на соседнюю узкую кровать, потоптался на ней и улегся, тяжело вздохнув.

Женщина подошла к кровати, на которой лежала Машенька, и уставилась на спящую девочку.

Теперь Маринка могла рассмотреть женщину. На вид ей было лет шестьдесят. Одета в серое льняное платье до пят, похожее на ночную рубашку. На голове серый платок, из-под которого выбивалась прядь седых волос. Женщину нельзя было назвать красивой – толстый нос, глубоко посаженные глаза, тонкие поджатые губы, но при взгляде на нее Маринка почувствовала силу, присущую человеку, который привык повелевать.

Через минуту вслед за женщиной в комнату проник тщедушного вида мужичок неопределенного возраста. Одет он был в такое же льняное серое платье, что и женщина, только на голове никакого платка не было. На цыпочках подойдя к женщине, он шепотом произнес:

– Она недурна, правда, Маима?

– Да, девчонка хороша, из нее выйдет прекрасная Мать. Главное, она такая сбитая, ненавижу худышек, у них проблемы со здоровьем.

Мужчина потирал руки и заискивающе поглядывал на женщину.

«Он тоже ее боится, как этот пес. Видно, эта баба всем здесь заправляет», – подумала Маринка.

Женщина резко повернулась в сторону мужчины и злым шипящим голосом произнесла:

– Я займусь ее воспитанием. Подумай, она даст жизнь новому народу, который будет почитать Мать. Это наше с тобой обеспеченное будущее, Вима, помни об этом. Она – будущая Мать, и с психикой у нее должно быть все в порядке. Ее воспитанием пока буду заниматься только я. Ты лучше подумай о том, как нам сохранить девчонку? Столько врагов кругом, столько завистников!

Пес опять зарычал. Женщина, повернувшись к нему, произнесла:

– Я сказала тебе заткнись, Каннибал, хочешь остаться без еды?

Эта угроза подействовала на пса отрезвляюще. Он укоризненно взглянул на женщину и, сложив голову на лапы, прикрыл глаза.

– Все, Вима, пошли. Собака посторожит ее.

Мужчина послушно поплелся к двери, а Маима, задув свечи, быстро вышла вслед за ним.

Маринке больше ничего не оставалось, как вернуться в свою комнату. Подумала с отчаянием:

«Сейчас я ничего не узнаю, надо прийти сюда позже, когда Машенька проснется. Где она? Что это за люди? Им нужна девочка, выкуп им явно не нужен. Это плохо. Как же мы найдем ее? Опять одни вопросы».

Усилием воли она себя заставила вернуться в свою комнату. И в тот же миг она услышала, что в дверь кто-то громко стучит.

– Мария Васильевна, проснитесь, к вам пришли!

Маринка все никак не могла прийти в себя, оказалось, что посещение Машеньки отняло много сил. Она сползла с кровати и, пошатываясь, побрела к двери, с трудом передвигая ноги.

На пороге комнаты она увидела встревоженную Ирочку.

– Ой, Мария Васильевна, слава Богу, с вами все в порядке, я уже хотела дверь ломать!

– Ира, что ты так кричишь, что случилось?

– Пришли от какого-то профессора. Они говорят, что вы знаете, о чем речь. Мне просили передать вам, что произошла ошибка и что у вас все в порядке, это аппарат был неисправен. Там мужчина приехал, ждет вас.

Промелькнула радостная мысль:

«Значит, с Виктором все в порядке?! Господи, неужели это правда?!»

Радость переполнила ее:

«Хоть одна хорошая новость за последнее время!»

Маринка торопливо выбежала на улицу. Там действительно ее ждал молодой красивый мужчина. Увидев Маринку, он обрадовался:

– Мария Васильевна! Ох, слава Богу, я успел вовремя! Вы же нам сказали, что аборт будете делать в другом месте. Вам профессор просил передать, что аппарат у нас забарахлил, всем беременным после вас тот же диагноз ставить начал. Профессор очень просил вас приехать, он вас еще раз посмотрит, вот машину вам дал. Уже с четырех женщин этот диагноз сняли. Скорей всего, и у вас все в порядке, но лучше перестраховаться, вы меня понимаете?

– Да, хорошо, я сейчас переоденусь.

– Нет, нет, не надо. Можно и в халате, так даже лучше, я вас назад привезу, мы и так вам должны за моральный ущерб. Представляю, что вы пережили! У меня жена сейчас беременная, так мне просто плохо становится при мысли, а что, если бы ей такое сказали? Вы, наверное, места себе не находили?!

Маринка улыбнулась.

– Да, это правда. Чуть с ума не сошла! Я сейчас буду готова. Вот только шубу накину.

Она позвала домработницу:

– Ира! Иди сюда, принеси мне шубу и сапоги.

Иру долго ждать не пришлось. Девушка крутилась рядом, чтобы подслушать и понять, что же происходит?

Торопливо засовывая ноги в сапоги, Маринка бросила:

– Звони мне, если что, а я отъеду ненадолго.

– Хорошо, Мария Васильевна. Если Сергей Федорович спросит, что ему сказать?

– Я вернусь скоро. Даже раньше, чем он придет. Главное, не пропусти звонок, ты знаешь, о чем я говорю.

Выйдя за ворота, она увидела «Скорую».

«Видно, испугался профессор, пытается свою ошибку загладить», – подумала она.

Мужчина открыл заднюю дверь, и, пропуская Маринку вперед, проговорил:

– Вам лучше здесь ехать, видите, какое здесь удобное кресло, как раз для беременных.

Маринка осторожно ступила на подножку и чуть замешкалась. Мужчина бережно подхватил ее под локоть и легонько подтолкнул к креслу. Маринка с благодарностью взглянула на него.

Она пригляделась к большому креслу, гадая, с какой стороны лучше к нему подобраться и вдруг почувствовала, как что-то больно ужалило ее в предплечье. Мужчина обхватил ее сзади, и краем глаза она увидела в его руке шприц. Маринка закричала:

– Что вы делаете?! Отпустите меня сейчас же! Что за дрянь вы в меня вкололи?!

– Не волнуйтесь, Мария Васильевна! Мне приказали вам сделать укол, для вашей пользы. Вот здесь кушеточка, прилягте.

Она чувствовала, как стали неметь и отниматься ноги. Маринка попыталась применить свою силу, но ее не было. Сила пропала! Что ей вкололи?! Она в ужасе смотрела на мужчину. Тот укладывал ее на кушетку и пристегивал ремнями.

– Сами понимаете, это чтобы вы не упали. Да не смотрите на меня так. Ничего плохого вам не сделают, телефончик ваш я заберу, он вам больше не понадобится. Лежите тут смирно, я пойду с Ирочкой поговорю.

Маринка почувствовала, что отнялись не только ноги, но и руки, она не может ими пошевелить, она попыталась закричать, но не смогла: горло онемело.

– Господи, вот тебе и сила! Как, оказывается, легко с ней справиться! Один укольчик и все! Как я могла довериться этому мужчине? Как я могла потерять бдительность? Я даже на сущность его не взглянула!

Между тем она слышала, как тот разговаривал с Ирой по домофону.

– Передайте, пожалуйста, Сергею Федоровичу, что у нее в любую минуту могут начаться схватки. Она должна быть под наблюдением врачей. Вчера Мария Васильевна была у нас в клинике, ей предложили лечь на сохранение. Но вы же знаете, какие события произошли? Мария Васильевна отказалась от госпитализации, сейчас ей нужна интенсивная терапия, чтобы сохранить ребенка. Скажите Сергею Федоровичу, чтобы никто ее не беспокоил хотя бы дня три. Когда ему разрешат посещение, пусть скажет, что дочка вернулась. Вы же понимаете, ей нельзя волноваться. Сотовый телефон будет у профессора, он сам ответит Сергею Федоровичу. Мы должны исключить любые волнения. Все передадите? Не перепутаете?

Маринка услышала тревожный голос Ирочки:

– Нет, не перепутаю. Все передам, я поняла. Спасибо вам, доктор. Я чувствовала, что-то неважное с ней произошло, она вчера от доктора пришла очень расстроенная. Помогите ей, ее муж так ждет этого ребеночка! Нельзя его потерять.

– Да, да, я понимаю, и рад, что вы все поняли. Но теперь до-свидания, мы должны спешить, чтобы спасти ребенка.

Маринка была в отчаянии.

«Ирочка тоже поверила ему. Что теперь будет? А с Машенькой и с Виктором? Как же ей страшно! Она чувствовала себя совсем беспомощной. Куда ее везут? Если к профессору, то это хорошо. Лариса Федоровна знает, где этот центр. Не будет же он ее убивать? Ему что, жить надоело? А если не к профессору? Если это те, кто охотится за ней? О Господи, как же ей страшно!»

6

Ехали они очень долго, и с каждой минутой таяли ее надежды, что везут ее к профессору. Туда они давно бы доехали. Куда он везет ее? Стекла в машине были тонированы, поэтому она не видела ничего. Ей было холодно, хорошо, что она успела накинуть шубу и надеть сапоги. Она чувствовала, что дорога стала плохой.

Тревожные мысли не покидали ее.

«Куда же меня везут? Что мне вкололи? Как это отразится на моем мальчике? А профессор? Ведь только он знал, что у моего ребенка какие-то изменения в сердце. Он что, с ними заодно? И кто они, эти похитители? Столько вопросов»...

Наконец машина остановилась. Открылись двери и двое мужчин переложили ее на каталку. Маринка хотела посмотреть, где она, но ее укрыли простышкой с головой и повезли по длинному коридору.

Она чувствовала, что воздух стал чистым. Значит они за городом. Ее привезли к лифту, она слышала это по звуку: открылась дверь, ее ввели в лифт, потом опять длинный коридор, и наконец тележка остановилась. Простыню с нее сдернули, сняли сапоги и шубу и прямо в халате положили на кровать.

Маринка увидела комнату, заставленную неизвестными ей приборами. Такие комнаты она видела в американских фильмах, когда в них показывали медицинские палаты. Значит, это больница? К ней подошли двое мужчин, в одном из них она узнала старенького профессора, ее сердце болезненно сжалось: он с ними заодно.

– Вадим, сколько кубиков ты вколол?

– Петр Иванович, как положено, десять. Мужики от этой дозы сразу сваливаются, а эта даже сознание не потеряла.

– Я же тебе говорил, она очень опасна, сделай еще парочку, мне надо отключить ее. Тут и передержать нельзя, роды состоятся через три-четыре дня. Я сам сделаю ей стимуляцию. К сожалению, она должна остаться в живых, так мне приказали. Вадим, сейчас я должен уехать. Мне нужно время, я думал провести роды сегодня, но надо, чтобы она могла двигаться, иначе умрет. У меня все оформлено, паспорт там, документы, но надо еще решить с квартирой, мне жаль ее бросать просто так, у тебя там никого нет на примете? Отдам квартиру дешево.

– Петр Иванович, я помогу вам. У меня как раз друг квартиру ищет, сейчас я ему позвоню. А что делать мне?

– Тебе? А что тебя волнует? Не ты здесь главный. Твое дело – сторона. Кому ты нужен? Они тебя даже искать не будут. Эта, он кивнул на Маринку, тебя не знает. Сила ее к ней вернется, но только через неделю после родов, так что времени у нас много. С ее памятью мы поработаем. А теперь коли ее, а то мы и так тут при ней разболтались.

Профессор улыбнулся, подошел к Маринке и произнес:

– Ну что, милочка, доигралась? Ты хочешь знать, здоров ли твой мальчик? Конечно, да. Но сейчас это не имеет значения. Я против тебя и твоего ребенка ничего не имею, мне приказали его убить, а приказ моего господина для меня закон.

Он повернулся к Вадиму:

– Вадим, ты посмотри, какая красивая женщина! Я даже не жалею, что она останется в живых. Ведь это произведение искусства. Смотри. Он откинул одеяло и распахнул ей халат. Видишь, Вадим, какие ножки, грудь, волосы, про глаза я вообще молчу. Беременность так идет ей. Ох, если бы я был помоложе! Я разрешаю развлечься с ней тебе, а я посмотрю, молодость вспомню.

Маринка с ненавистью смотрела на мужчин.

– Ну, что ты так смотришь? Вы, бабы, только для этого и созданы. Вадик, если тебе не нравятся ее глазки, вырубь ее уколом. Сейчас, милочка, будешь баиньки.

Потирая руки и противно хихикая, он произнес:

– Я тебя уверяю, Вадим, сейчас ты получишь массу удовольствия.

Вадим набрал шприц, сделал ей укол, и сознание наконец покинуло ее. Маринка так хотела этого, если бы этот гад залез на нее, она бы умерла от омерзения.

7

Ей опять снился тот странный сон: но теперь черный ужас захватывал ее своими лапами, это было знакомое ощущение, такое она испытывала, когда ходила с бабой Аллой на красный уровень и чуть не погибла там. Только сейчас чернота засасывала ее, она видела рядом Машу, она, как могла, отпихивала девочку от чудовища, но сама не могла справиться с ним. Ужас овладевал, залезал в душу. Он пил жизнь, но противостоять этому она не могла, силы покидали ее. Она сделала последнее усилие, чтобы спасти девочку, и... проснулась.

Она сразу же вспомнила, что с ней произошло. Кто-то ходил по палате. Она постаралась, чтобы не заметили, что она пришла в себя. Сквозь веки она чувствовала, что был день. Интересно сколько она лежала без сознания? Она все еще не ощущала своего тела, но язык уже стал шевелиться. Низ живота болел. С нее сняли все, она лежала абсолютно голая. Дверь в палату кто-то открыл, и она услышала женский голос:

– Это опять ты, Вадим? Может, хватит? Уважай хотя бы меня. Неужели это может доставлять удовольствие? Ведь женщина без сознания. Тебе Петр Иванович разрешил это делать?

– Господи, Аля, конечно, разрешил. Я всю жизнь мечтал о такой девочке. А она не совсем без сознания, ребенок шевелится, это такой кайф.

– Вадим, я больше не дам тебе этого делать! Ты вообще не должен быть здесь. Мне приказали никого сюда не пускать.

– Алечка, я не кто-то. Я – правая рука Петра Ивановича. Я все равно возьму ее еще раз. Ты же меня знаешь.

– Вадим, а я сейчас позвоню Петру Ивановичу и расскажу ему. Ей рожать через три дня. А что будет, если роды начнутся сейчас? Она же еще без сознания! А ты ходишь к ней каждый час вот уже целые сутки. Ты что, не понимаешь, что она беременна?

– Алька, разреши еще разок, я заплачу тебе зелеными?

– Я же сказала тебе, только если разрешит Петр Иванович. Но я знаю точно, что он не разрешит. У нее могут начаться роды после твоих художеств.

– Ладно, ладно, не надо звонить, – сказал он примирительно.

Маринка чувствовала, что мужчина стоял возле нее, очевидно решая, что же делать: может, все-таки поступить так, как хотелось ему? Но девушка стояла на своем:

– Вадим, прошу тебя, уйди, ты не справишься с собой. Ну что ты в ней нашел, вон, сколько баб вокруг. Только свистни, рады будут тебе услужить, а эта лежит как пень. Тебе что, это нравится?

– Аля, ты не понимаешь, она даже без сознания кончает! Вот это баба!

– Вадим, все, мне надоело это с тобой обсуждать. Это так гадко. Я иду к охране звонить Петру Ивановичу.

Маринка в ужасе ждала, чем же закончится эта перепалка. Если он дотронется до нее, то она не сможет скрыть, что пришла в себя!

– Ладно, Аля, расслабься.

Подумав немного, он добавил:

– Но ты об этом пожалеешь.

В голосе у мужчины послышалась угроза. – Скоро я здесь стану хозяином. Сейчас я домой поеду, у меня завтра дежурство, надо отдохнуть перед ним. А может, с тобой побалуемся?

Она услышала, что девушка отбежала от него, тяжело дыша.

– Ну, что ты, что ты, – сказал он примирительным тоном, – пошутил я. Ты ведь классная девчонка! Чего ты такая злючка? Мне здесь никто не отказывает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.